

LiteraruS – Литературное слово 2(43), 2014 (лето)

2003 – 2013

Историко-культурный
и
литературный журнал на русском языке
Издается в Финляндии с 2003 года

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХИ	
Хамдам Закиров. <i>Ноябрьский сплин</i>	5
НАША ИСТОРИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ	
Лейф Рантала. <i>Неудачный визит Императора в Торнио</i>	14
СОВРЕМЕННЫЙ РАССКАЗ	
Юлия Лалуа. <i>Наши семейный ералаи, рассказы</i>	18
ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН	
Алексей Шкваров. <i>«Безумный» Эрик, отрывок из романа</i>	23
АНОНС	
<i>Знаете ли вы Хельсинки?</i>	39
ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ	
Мария Михайлова, Анастасия Назарова. <i>Больот свидания</i>	40
ИСКУССТВО	
<i>Графика (из частной коллекции)</i>	53
СТУДИЯ	
Артём Татаринов. <i>Случай в Стокгольме...</i> , рассказы	56
ЛИТЕРАТУРА	
Виктор Цоффка. <i>Из Энеиды два стиха</i>	60
ГОСТЬ ЖУРНАЛА	
Нина Гейдэ. <i>Прощание с бумажным корабликом, стихи</i>	66
СТРАНИЦА ПЕРЕВОДЧИКА	
Франк Андриа. <i>Морозузором по стеклу, рассказ (пер. с фр.: А. Дженбулатова)</i> ..	72
ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ	
Наталья Ершова. <i>Инженер искусств из заводов</i>	82
ЭХО	
<i>Семинар «Россия и Европа: диалог культур»</i>	89
<i>Культурная хроника: Три чудо-ночи Хельсинки</i>	96
ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ	
<i>Повесть о героях и предателях</i>	98
<i>С Набоковым в одном сне (Борис Колымагин)</i>	100
ПОЧТА	
Владимир Сергеев. <i>Письма из Парижа</i>	103
<i>Верес или вереск? (Виктор Цоффка)</i>	106
<i>От благодарных получателей, Со штампом: Станица Марьинская</i>	107
ОБЪЯВЛЕНИЯ	108
Художественное оформление:	
стр.1: Борис Забирохин. <i>Домовой (частная коллекция)</i>	
стр.4: Борис Забирохин. <i>Оборотень (частная коллекция)</i>	

Хамдам Закиров

Хамдам Закиров
 родился в
 Таджикистане. С 2001
 года проживает в
 Хельсинки.
 Публиковался в
 российских и
 зарубежных
 русскоязычных
 изданиях, поэтических
 антологиях. Переводы
 на итальянский,
 английский,
 французский, финский,
 латвийский,
 венгерский, немецкий,
 эстонский. Участник
 фестивалей,
 конференций и других
 литературных акций в
 Узбекистане, России,
 Финляндии, Италии,
 Латвии. Куратор
 интернет-проектов
 «Библиотека Ферганы»
 и «Русская
 Кавафиана». В 1996
 году в Санкт-
 Петербурге в
 библиотеке «Митиного
 журнала» вышла книга
 стихов «Фергана».
 В журнале LiterarU
 стихи печатались в
 №№ 9/2005, 10/2006,
 3/2007 и №5/2013 (на
 финском языке).

НОЯБРЬСКИЙ СПЛИН

Несутся дождевые струи. Твои пальцы
касаются оконного стекла, ласкают
холодную и тихую поверхность, чуть-чуть расставлены;
прекрасные пурпурные овалы ногтей, мне кажется, вот-вот
начнут расти, и превратятся в когти. За окном –
ноябрь. Ты смотришь в даль, но десять метров
нас отделяет от окон напротиви десять метров вверх – от неба,
которое обильно орошает двор, дома.
Неяркий свет, твой профиль – чуть резкий, отенивший
холодным медленным мерцаньем комнату, где
словно мебель, словно вечер мы замерли. На что
решишься ты, когда вдруг всё исчезнет,
вывернется наизнанку, станет
настолько неузнаваемым, насколько это можно
представить? Колесница
несется по степи. В кургане
находят череп, разрушенный норой грызуна. А здесь –
твои следы – на краешке бокала,
в помятой сигарете, на стекле. Сочится
стустившаяся влага. В этой капле
видно, как быстро меркнут наши отраженья. Где мы?
Там, в конце путей, куда мы доберемся,
как водится, чуть опоздав, дождавшись,
что превращенье началось без нас
и фокусник почти закончил номер,
соединив дни и равнины, твою руку, солнце,
и превратив всё это в пустоту,
что окружила нас сегодня, под дождем.

СЕАНС РИСОВАНИЯ

И краски сгущались вокруг тебя, и густо пахло выжженной травой.
Приготовления – долгие, недолгие, – как и дорога: то проезжая,
то узкая тропка; мы сидим на холме, курим, а солнце
бликует на мятых подушках краснеющих облаков,
постепенно скрываясь за сопкой, которую нам не хватило сил перейти,
чтоб увидеть воочию рощу оливковую,
сейчас наверняка покрытую позолотой вечернего света.
Ты смачиваешь кисточки, затачиваешь карандаши,
раскладываешь свой нехитрый инструмент, а время в это время
носится над нами, слегка тербит волосы, слегка
поддразнивает тишину вокруг
вдруг доносящимся гуденьем города. Там –
жизнь, что цепко вцепится опять, едва мы спустимся,
рукою чьей-нибудь, глазами, разговором
и будет следовать за нами по пятам, обняв за талию
или держась за руку, насыщая вновь
пустой реальностью густое, гулкое пространство,
которое прихватим мы с собой отсюда. Опрости,
молчу-молчу. Твоя фантазия, что я достоин кисти
потихоньку становится вполне правдоподобной.
Моя ж мечта дробится на куски пейзажа, небо, что прошито
поздними лучами невидимого солнца и луну,
которая бледнеет в соленом воздухе. Моя мечта
меня рисует акварелью, меняет кисточки, достала
другой лист. И вечер, тот еще натурщик,
тоже медлит, замерев. Мы с ним
любujemy тобой. Мы с ним тебя рисуем, мешая,
сгущая краски.
Сено пахнет светом. Вечер – ветром. Акварель – разлукой.

РАЗЛАД

Отбрасываешь волосы назад усталым, вымученным жестом.
Лучится струйка света из-за штор, и мы
охвачены оцепенением в потемках комнаты, что вовлекает нас
в безмолвный танец, когда предметы в комнатах пытаются
притронуться друг к другу. Также мы, –
не в силах страх отринуть, загустевший в высоких потолках,
на книжных полках, за спинкой кресла, в мертвом мониторе, –
прикуриваю третью сигарету, холодный кофе допиваешь ты.
День прожит кем-то, только не нами: ни шагу из дому
и даже телевизор не включался. Наши взгляды
пересекаются в разводах табачных, жилистых и невесомых волн,
как ледяные валуны, отторгнутые берегом, как будто –
с отражением вудачно мелькнувшем зеркале, проплывшем
вруках статиста или ассистента режиссера. Пустота
исчерпана: в полоске света клубится пыль. А в нашей жизни
уже не может ничего произойти, способного хоть как-то изменить
начало, направление, конец, ты говоришь, и понимаешь,
что это не про нас, что с нами всё гораздо хуже. За окном
лютует солнце, ворошит макушки деревьев и подсохшее белье,
как будто тоже выбрасывая белый флаг, пропахший гарью ветер.
Телефон трезвонит: некий аноним
передает привет от человека, давно потерянного, я считал.
Затем, ты ставишь музыку, но ни на что нет сил:
я запираюсь в туалете с книжкой,
не в состоянии читать, иду на кухню, на плечо мне
падает кусок известки с облупленной стены,
и я гляжу на влажные миазмы, берущие начало с потолка,
и вот теперь добравшиеся до меня.
Знаменья хрупкие, которым несть числа,
заслонены то яркой светотенью, то всплеском тюля у окна, то
надвигающимся шумом – закипает чайник
и всё звучат последние аккорды, перебиваемые хрипом Тома Уэйтса.
Мне тоже хочется завывать: *shore leave*, но кто
даст увольнительную, чтобы
я наконец-то от всего освободился? Напрочь
перечеркнут этот день, наполненный твоим молчаньем и обидой.
Впрочем, ты можешь, если хочешь, злиться, Фаришта¹.
Как говорится, *vous avez raison*².

СОК

Жара и песок, и мои сандалеты хрустят на асфальтовой крошке.
Мы спешим в «одинокую юрту», как ты называешь мой дом.
Припекает затылок, майка мокнет и рвется под рюкзаком,
где болтаются книжки, бутылка вина и
сердце мое, и мой спинной мозг, и
моя «жизнь в искусстве» лгать и желать нежеланного. Лето
спит в наших постелях, запах его – в простынях,
даже тело твоё, моя радость, пропитано им. Жди меня осень,
как говорит мой знакомый, когда-нибудь мы вернемся.
Скажи, чтобы сердце мое успокоить, и тело твоё
чтобы отдалось полудню как прежде, скажи,
почему же прошло то, что было,
почему не случились нежданные радости,
не обернулась реальностью и сотая доля мечтаний,
стало таким всё ненужным, неважным,
и к жизни пропал интерес? Где покой и услады любовные,
женщины где, что нас бросают, чтобы любить ещё больше,
солнце, куда оно подевалось в этой треклятой зиме?
Набухает сосок твоей. Касаясь его языком,
я спасаюсь от мыслей – бегством в тебя, в твою лень,
в твоё нежелание бегства, не бегства,
чего бы то ни было в общем. Кружат за стеклом хлопья снега,
в моей голове же – ложится на землю пух тополиный,
либо плывет, захваченный воздухом прошлых июней.
Мой сон, как ты: весь пропитан жарой, дынным соком, который
течет по груди, животу и по бедрам –
к низинам и впадинам, лишь добавляя
зримость и сладость касанию, чувству, мечте, и
нежданному летнему мигу – сейчас, январе, в 10.30.

ИГРЫ ТЕКУЩЕГО ДНЯ

Вбатареях шелестит вода, и медное журчание обволокло
сидящих в центре стереоэффектом. Вода
как символ, знак – семантика воды, миф о потопе, одиссея – всюду.
Даже телевизор (мы смотрим обзорные футбольные матчи,
Лига чемпионов) говорит: сегодня
в Европе – ливни, ливни, ливни – все три игры. Везде
поля из луж, промокшие насквозь болельщики и футболисты.
Впрочем, мы тоже ведь Европа. Здесь, у нас,
окно тревожит вялый дождь, «Спартак» выигрывает у «Реала»
(пусть не в сухую), мы пьем чай (мед, если хочешь, овсяное печенье),
шмыгаем носами, я ставлю музыку и надо же, туда же, ведь специально
не хотел Rain In Tibet – там тоже льет и льет, аж целых три минуты
без всяких музыкальных добавлений, и что-то там кричат тибетцы,
наверное «давай быстрее, такая, право, сырость, не
дай Лама простудиться» – это третья
дорожка на пластинке у Up, Bustle & Out –
полуэлектронной, полуджазовой английской группы.
Мерзнут ноги, кипятится чайник, масло
булькает в электронагревателе, затем трезвонит телефон.
На дальнем-дальнем проводе моя любовь воркует –
сонно, нежно, – молчит, выслушивает бред,
который вдруг течет из моих уст: но что я слышу? она чистит зубы,
она в ванной и... бодрое струение из крана фонтаном плещет в трубку.
Я не в силах сдержаться: насморк. Где платок? Друзья,
полцарства за платок, и даже эту пластинку, что угодно, лишь бы
этот день закончился, истёк. Как истекает всё
(конечно же, в разумных пределах). День в потоке дней
без сердца сердца моего, без милой, волочась как камень
по каменистой простыне речушки в том же, например, Тибете, или по
промозлой тверди неустойчивой и склизкой
судьбы – и без платка! Серега,
может лучше водки?
– Водки, – сказал Серега и
полилось, и понеслось, и завертелось.

ВЕЧЕРИ НОЧЬ

Если ты позволишь мне быть собой, раздавая себя по крупичам – воде, случайному солнцу в пасмурный день, твоей руке, продлевающей мою тень – по асфальту, на стену, и дальше – к тебе; взгляд твой уносится ветром. Одно или несколько слов, наждаком повседневности стертых до дыр, до изначального смысла: его приемлют простые вещи, нам он неведом, однако и мы движемся вспянь – так зонт выгибается под напором, и мы тонем в небесных слезах, или ступаем внежданно глубокую лужу, или теряемся в переходах метро в назначенный час. Небо над нами всё то же. Собаки спуют. Прохожий толкает плечом и ты выронил сигарету. Что будет дальше? Что делать мне, когда осень сбивает желания налету, как заправский охотник и лето – уже только сон, который хотелось бы видеть, но вечер и ночь лгут, будто им нет конца, и чем движения медленнее, чем реже глаза открываешь, тем хуже, и время несется, как если б упало с пятого этажа в кровавую лужу рассвета. И нет волшебства, продолжения сказки, что выросла б из темноты как черный цветок и вот тревога опутала тело корнями, ветвями: серый свет, и больше ничего тебе не принадлежит – ни минуты, ни мысли, ни рука, протянутая к стакану с водой. Даже если ты позволишь мне быть собой. Даже в этом случае.

ЛИХОВ ПЕРЕУЛОК

Сомнение и сентябрьский вечер
свернули в Лихов переулков след за мной.
Когда такая темень, да к тому же сырость,
в знакомых стенах я теряюсь, что сказать про двор.
Я к дому подхожу, я обхожу машины и
выбоину на дорожке. Что,
спрашиваю у себя, что делать? Тают дни.
И ночи. Сила чувств. И даже
моя любовь готова раствориться,
лишь только разогрей ее без меры. Впрочем,
ведь выбор, пусть ошибочный, всего лишь выбор.
Кто нам запретит, так размышляю я,
желанное иному предпочесть?
Вот прохожу подъезд –
немного подышу прохладным мраком.
Думаю о разном, пожалуй, не стоящем того.
Тебя нет в этом списке солнце, и тебя, луна.
Я вас уже сто лет не видел. Закурю.
Как быстро лето кончилось, как быстро.
Мы же всё плывем, хоть плавать не умеем.
Мы плывем и лодка Харона ждет нас, безусловно. Но
нам далеко еще, не близко. Так нам далеко,
что нечего и говорить об этом.
По спиральной узкой анфиладе вавилонской башни
мы шествуем к вершине ночи: по
Малому Каретному, направо, по Большому,
и опять направо – по Среднему; опять
втроем – сомнение, я, сентябрьский ветер.

¹ ангел (тадж.)

² вы имеете причину (фр.)

XVI
Всемирный конгресс русской прессы
(ВАРП)
г. Шанхай
18–22 мая 2014 года

Репортаж читайте в №3 2014

www.literarus.org

потом шлюп отплыл. В то же время Император продолжал приветствовать народ, который стоял на берегу, на мостах и в сотнях лодок.

Теперь командовал шлюпом капитан Эрик Юнелиус, брат капитана, перевезшего Императора через озеро Оулу. Шлюп плыл вдоль реки Оулу мимо множества живописных островов. По обе стороны фарватера стояли на якорях украшенные вымпелами и флагами яхты, где также собралась масса людей, чтобы криками «ура» выказать свою радость, будто соревнуясь с теми, кто сопровождал шлюп на лодках. Эти лодки спешили за шлюпом, чтобы дать своим пассажирам возможность как можно дольше видеть любимого монарха и чтобы участвовать в празднике. Среди сопровождающих лодок одна особенно обратила внимание Императора: дюжина восхищенных молодых женщин отважно забралась в лодку без весел и сидений, без чего они не смогли бы следовать за шлюпом. Из другой лодки им подали одно весло, и с большим трудом, с помощью руки зонгов, они достигли результата. Доплавив его Император подал руку и помог выбраться из лодки.

Он милостиво говорил с некоторыми из них по-французски и по-немецки, которые большинство из них понимали, но в ответ дружелюбный монарх получил только слезы восхищения от благодарных сердец. Император махал рукой, чтобы и другие лодки подплыли к причалу, на котором он стоял. Милостиво побеседовав с людьми, он был готов подняться в карету, но заметил молодую женщину, стройную и маленькую, пытавшуюся залезть на высокий камень, чтобы лучше видеть Великого Императора, возвышавшегося над толпой благодаря

своему росту. Император с удовольствием смотрел через лорнет на усилия молодой женщины, которой, наконец, удалось залезть на камень, не замечая, что на нее смотрят. Когда она с радостью повернула свое детское лицо в сторону уважаемого монарха, она покраснела, заметив, что Император смотрит на нее. Император приветствовал ее воздушным поцелуем, как он обычно делал прелестным детям. Затем Его Величество поднялся в карету и уехал, радостно и милостиво приветствуя народ. И мужчины, и женщины махали в воздухе шляпами и на прощанье кричали «Ура!» любимому монарху.

Всеми другими местами, через которые свига проследовала на пути в Торнию, были и шлюпы, и оборудованные лодки с умелыми моряками. Его Величество переплыл эти реки в сопровождении бесконечных криков «ура» людей, которые собирались на берегу. Император одаривал драгоценными кольцами и часами тех морских капитанов, которые руководили переправой. Все его гребцы получили обильные чаевые. Везде, где бы ни ночевал во время своей поездки Император, он дарил дорогие подарки хозяевам. Никто из тех, кто заботился о нем, не был забыт.

Когда кареты Императора и свиги остановились возле причала в поселке Ий и никто не успел помочь Императору выйти из кареты, две молодые красивые женщины, которые случайно приехали сюда из Оулу, поспешили опустить подножку кареты. Император пришел в восторг от красоты одной из них. Он долго беседовал с этими очаровательными молодыми дамами. Та, что была более красивой, родилась в Стокгольме, где ее красота привлекала внимание даже во дворце. Император записал имена и фамилии

этих дам, положил записку в свой кошелек и вспоминали еще три года спустя, в беседе о поездке на север с епископом Тенгстрэмом из Або (Турку) на праздничном ужине в Петербурге.

В маленьком городке Торнио добрый мэр встал рано и уже был одет по полной форме, готовый к приему Императора. Точное время прибытия Императора было неизвестно. Но наш мэр сразу попал в компанию веселых друзей, которые то и дело целый день поднимали бокалы за любимого Императора. Поэтому случилось так, что мэр позабыл о времени, когда уже поздно вечером Император явился со своей свитой на ночлег. Вокруг была полнейшая темнота, так как люди выбежали на улицу, чтобы встретить монарха. Довольно долго милому Александру пришлось ждать чай, который он попросил вместо настоящего ужина. И после этого он сразу лег спать.

Утром Император осмотрел улицы города, послушал шведских барабанщиков из города Хапаранда и разрешил семье самых северных граждан своей страны, включая приглашенных в Торнио семерых лопарей, милостиво выступать перед Его Величеством. Они были одеты в свои национальные костюмы и у них было два живых оленя. На следующее утро Император не получил завтрака и на пустой желудок уехали в Торнио. Уже когда он переплыл первую реку и сидел в карете, к нему подошел живший в Торнио купец и подал румяный теплый русский пирог с семгой и рисом, который он попросил испечь ночью. Император, у которого от самого Торнио разыгрывался аппетит, принял подарок от души. Сидя в карете, Император с радостью поедал пирог.

После возвращения в Петербург

Император послал доброму купцу, единственному человеку, который накормил его, дорогую шкатулку в подарок. В Кеми Император был рад видеть старого знакомого, благообразного благочинного доктора теологических наук Кастрена. Император недолго был в Кеми. Он только ужинал с ленсманом Стольбергом. Император констатировал, что поленика самое лучшее лакомство в Европе. На пути в Торнио Император хотел купить новое средство передвижения вместо того, которое сломалось. У стоящей в толпе молодой девушки спросили, хочет ли она продать свою бричку. Она ответила положительно, и тогда ее пригласили к Императору, который хотел узнать стоимость брички. Застенчивая девушка не смогла запросить у доброю Императора ту цену, которая на самом деле была, но сделка была все-таки совершена и бричку собирались забрать на обратном пути. Пока они ездили в Торнио, девушка раскаялась в том, что назвала такую низкую цену, потому что эта бричка была подарком ее жениха и была для нее очень дорога. Поэтому, когда приехали забирать бричку, она удвоила цену, надеясь, что сделка будет разорвана. Александр посмеялся над девушкой и сказал: «Платите, какую цену она просит». Таким образом, девушка все-таки лишилась брички.

Когда Император приехал на постоялый двор поселка Пудас, он так устал от поездки, что заснул в карете. Стоящую вокруг толпу людей призывали не шуметь, чтобы не разбудить спящего. Тихо запрягли лошадей. В это время притащилась на костылях 80-летняя бабка, которую звали Келло-Лийза. Она была вдовой старого финского солдата, который погиб в последней войне, после чего

бедная вдова получила по милости Императора годовую пенсию в 25 серебряных рублей, которая дала старухе такое благополучие, какого раньше у нее не было. Старуха хотела увидеть своего благодетеля, благородного Императора, которого она должна благодарить за спасение своей хрупкой жизни и которого она долгие годы поминала в своих благословениях и молитвах. Старуха сказала, что она не спала трое суток и прошла на костылях большое расстояние, чтобы увидеть Императора, и ничто не может остановить ее желания, тем более что теперь она так близко от Императора. Бабка была упрямая финка. Сней не посмели ссориться, боясь разбудить Императора.

Старая Лийза бросила свои костыли и полезла на колесо кареты. Собрав все силы, она залезла как можно выше и надела очки, чтобы получше разглядеть своего благословенного благодетеля. Но очки все время наполнялись слезами старухи, пока ее чувства не превратились в слова и она сказала своим товарищам: «Подходите, бабки, смотреть, как он здесь спокойно спит, как другие люди».

Император сразу же проснулся, протер глаза и тут увидел старых бабушек вокруг кареты; монарх радостно подал руку старой Лийзе, глаза которой были полны слез, и она пожала ему руку, как делает простой человек в глубинке, и сказала: «Рука мягкая, как хлопок, работа не испортила».

Император просил своего переводчика финского языка лейтенанта Мартинау (род. 1797) объяснить слова старухи. Улыбаясь, он потом подал руку и другим бабкам, которые залезали на колеса кареты. Потом Император попросил лейтенанта Мартинау сказать старой

Лийзе, что она может просить еще один знак милости. Но старухе было трудно понять, что Император имел в виду. Когда она, наконец, поняла значение, стала плакать, говоря: «Как я могла бы быть такой неблагодарной, чтобы что-нибудь просить, ведь я приехала сюда, только чтобы смотреть, благодарить и благословить этого Ангела Божьего, который сюда послан, чтобы пожертвовать мне и многим тысячам средства существования и жизнь: нет. Только хотела поблагодарить и благословить, если бы умела, как надо». Простота и благодарные размышления привлекли Императора. «Это обещание, – сказал он, – даже самые богатые во дворце не отклонили бы, как сделала эта бедная вдова». Потом он дал ей кучу серебряных рублей и после этого добрый Император продолжил свою поездку в сопровождении старухи других людей.

1 сентября в 9 часов вечера Император возвратился в Оулу, на том же шлюпе, на котором переправлялся в устье реки и на озере Оулу. На окружающих островах были зажжены праздничные огни из смоляных горящих бочек. Тросы яхт, стоящих на причале, были снабжены горящими лампами и фонарями, церковь и город были богато освещены. Народ, который с надеждой в сердце мечтал увидеть доброго Императора, собрался на яхтах, на подъемных мостах и приветствовал его радостными криками «Ура!», после чего Император в сопровождении своих верных подданных пошел пешком на оборудованную для него квартиру, где он и остановился. В знак расположения люди аплодировали и приветствовали его.

ЛР
LR

Мария Михайлова

Анастасия Назарова

Боль от свидания

В начале XX века Финляндия стала настоящим центром притяжения для русских художников слова. Соприкосновение с живописной природой и скандинавской культурой и искусством дарило писателям и поэтам импульс к созданию новых произведений. Здесь регулярно бывали И.А. Бунин, В.В. Вересаев, А.А. Блок, Д.С. Мережковский, А.С. Серафимович и др. На «финской Ривьере» постоянно жили Л.Н. Андреев и К.И. Чуковский. В 1914 – 1917 годах на даче в деревне Нейвола проживал вернувшийся в

Россию М. Горький. Их дома стали средоточием местной культурной жизни, где встречались литераторы, артисты, ученые, общественные и политические деятели. Одним из активных участников этого общения и частым гостем финляндского края был писатель Евгений Николаевич Чириков (1864 – 1932).

Впервые в Финляндии он оказался весной 1906 года, спасаясь от покушения со стороны черносотенцев¹. Покинув Москву, Чириков обосновался на даче в Куоккале, которая находилась вблизи от «Пенатов» Репина. Вскоре во времени в Финляндию переехала семья писателя. В 1907 году Чириков переселился в Петербург, где прожил до 1917 года, и с этого момента регулярно арендовал дачу в Куоккале, а затем в Нейволе. Последняя «была построена в оригинальном стиле финляндского домика»² и, по

воспоминаниям современника, очень нравилась Горькому.

Из всеобщитателей «русской Финляндии» особенно тесные дружеские отношения сложились у Чирикова с Леонидом Андреевым, с которыми объединяли общие увлечения: занятие фотографией, охота и др. Художники неоднократно навещали друг друга, переправляясь через Черную речку на лодке. Одна из таких встреч была зафиксирована в 1908 году на киноленте³. По собственному признанию, Андреев всегда любил большую семью Чирикова, «видел, что детей много и дети славные»⁴.

Но главным связующим звеном между ними было творчество. В начале 1900-х оба принадлежали к кругу авторов «Знания», поддерживали личные и литературные контакты с Горьким, были постоянными участниками телешовских «Сред». Наибольший интерес и внимание каждого из писателей привлекли драматургические опыты другого. Художники неоднократно присутствовали на чтениях пьес друг друга, обсуждали их приличных встречах и в переписке⁵. В эпистолярном наследии Андреева можно найти как положительные, так и неодобрительные отзывы на драмы и комедии Чирикова, тогда какого оценки пьес младшего современника почти неизвестны. Однако можно предположить, что заявивший о себе в начале творческого пути как бытовик и продолжатель реалистических традиций писателей-шестидесятников, а со второй половины 900-х годов отошедший от остро социальной проблематики и сосредоточившийся на осмыслении народно-православных основ русской жизни и культуры Чириков ценил литературный талант Андреева, но не принимал его

экспрессивной манеры художественного письма⁶, хотя в исключительных случаях сам прибегал к ней.

Несмотря на несхожесть эстетических воззрений мировоззренческие установки писателей во многом совпадали, что особенно ярко проявилось в столкновении с позицией Горького в период Первой мировой войны. В публицистике этих лет Чириков и Андреев выступили против звучащих в статьях последнего обвинений в адрес народа в жестокости, отсталости и бескультуре и проповеди «западнических» идей о необходимости строительства русской жизни по европейскому образцу. Но особенно сильный протест обоих художников вызвало согласие Горького с лозунгом большевиков о необходимости поражения «своего» правительства в войне, что помогло бы скорейшей победе социалистической революции в России. Поддержку этого тезиса Чириков и Андреев расценили как предательство бывшим единомышленником интересов родины.

В то же время отношение к разворачивающимся военным событиям имело свои особенности. Как и многие современники, Андреев видел в войне «безумие и ужас», противостояние которым стало целью его творчества. В своих произведениях военных лет он поднимал важнейшие нравственные проблемы текущей действительности: имеет ли право человек ставаться в стороне от войны, где найти нравственный ориентир в условиях всеобщего хаоса, какую ответственность несет художник перед воюющим народом, может ли искусство противостоять насилию и забвению гуманистических идеалов и т.п. Но с самого начала войны с Германией писатель утверждал необходи-

мость довести ее до победного конца, полагая, что успешный исход этого грандиозного исторического конфликта для России позволит ей встать на путь «широкого политического и социального прогресса, на который сердце нации давно настроилось»⁷. Кроме того, победа над немецкой агрессией положит, по его убеждению, начало европейской революции и созданию разумного, прочного и демократического порядка, в котором не будет места деспотизму и насилию⁸. Столь утопическая вера в духовное преобразование человечества под влиянием войны не в последнюю очередь объясняется тем, что Андреев не был непосредственным участником и очевидцем военных событий. Из-за слабого здоровья писатель не подлежал призыву, и все сведения о происходящем на полях сражений черпал из газет. Поэтому в его творчестве на первый план вышли чувства и переживания художника в обстановке военного времени и те трагичные перемены, которые оно вносит в повседневную жизнь.

Принципиально иной взгляд на войну представлен в произведениях Чирикова. В отличие от Андреева писатель соприкоснулся с войной напрямую, побывав в конце 1914 года в качестве военного обозревателя от газеты «Русское слово» на польском фронте. Итогом этой поездки стала книга «Эхо войны» (1915), в которой война представлена как противоестественное для природы людей состояние, стремительно пробуждающее в их душах низменные, «звериные» инстинкты. Столь негативное восприятие военных событий в рассказах и очерках этого времени было подготовлено пребыванием писателя на фронте

Первой Балканской войны в 1912 году, когда Чириков в очию убедился, что кровопролитие не способно привести к росту патриотизма, доблести и самопожертвования среди воюющих масс. Напротив, легкость и безнаказанность творимого на войне насилия обесценивают человеческую жизнь и все те идеалы, во имя которых народ берется за оружие.

Такой вывод, на первый взгляд, сближает позиции Чирикова и Горького, призывавшего «внушать людям, что решение споров между ними путем вспарывания животов, дробления черепов и разрывания врага на кусочки – это безобразно, противно»⁹. Но в отличие от последнего Чириков был против заключения мира с Германией на любых, даже невыгодных для России условиях, за который ратовал Горький, так как это означало бы забвение памяти о сотнях тысяч павших в боях русских солдат и офицеров. Именно их ежедневный ратный труд в условиях сверхчеловеческого напряжения и бытовой неустроенности военной жизни стал предметом изображения в произведениях Чирикова о Первой мировой войне. Показав современникам ее изнанку, повседневную, «прозаическую» сторону, писатель тем самым развенчал окружающий войну романтический ореол. Одним из наиболее ярких и выразительных произведений, демонстрирующих ее подлинный лик, стал рассказ «Свидание», повествующий о поездке писателя к воюющему на передовой брату и тех реалиях, которые сопровождают это опасное путешествие.

Поездка становится настоящим испытанием для повествователя, поскольку на его пути постоянно возникают всевозможные препятствия

1906г.

Писать рассказы. Магеланский Май в Куоккала.

Е.Н. Чириков за работой. Куоккала. Май 1906г.

и безвыходные ситуации, преодолеть которые ему помогает только неожиданный благодетель или счастливое стечение обстоятельств. В этой связи примечательно, что встреча братьев происходит в сочельник. И хотя это радостное событие свершается в канун католического, а не православного Рождества, для героев повествования оно все равно становится настоящим рождественским чудом.

Отмеченная сюжетобразующая функция «чудесного случая» и временная приуроченность к

определенному календарному периоду позволяют отнести «Свидание» к жанру святочного рассказа¹⁰. Его содержательная специфика связана с утверждением христианских ценностей и нравственных идеалов, так как главным смыслом Рождества являются идеи добра, прощения, милосердия и братского единения. Но в чириковском произведении в глаза бросается явное несоответствие между значением этого праздника и царящим вокруг жестоким людским взаимоистреблением. Особенно ярко это несоответствие подчеркивает финал текста.

Традиционному святочному рассказу присуща счастливая концовка, однако в «Свидании» несмотря на внешне благополучный исход долгих странствований повествователя финал оказывается безрадостным. Встреча братьев длится недолго, так как угроза внезапной атаки ни на минуту не позволяет им расслабиться и поговорить по душам. Расставание же лишь обостряет царящее в сердце повествователя чувство тоски и отчаяния, вызванное неотступными мыслями о смерти, которая в любой момент может настичь брата. Ощущение его обреченности усиливают неоднократно возникающие в тексте мотивы казни и погребения. Так, письмо брата напоминает ему «духовное завещание человека, приговоренного к смерти», солдатские землянки столь тесны, что больше походят на моилы и т.п. Подобные сравнения нужны Чирикову, чтобы сформировать у читателя восприятие войны как антигуманной и бесчеловечной акции, показать ее полную несовместимость с жизнью и божескими установлениями.

Боль от свидания с войной, бесчеловечность которой была увидена собственными глазами, наложила отпечаток на все дальнейшее творчество Е.Н. Чирикова. Поэтому и на Гражданскую войну он уже смотрел сквозь возникшую ранее призму, и ничто не могло его убедить в необходимости идти брату на брата со штыком в руках. Об этом он с подкупающей искренностью поведал в романах «Зверь из бездны», «Мой роман», повестях «Красный паяц» и «Мстители».

¹ Чириков Е.Н. На путях жизни и творчества: отрывки воспоминаний // Лица: Биограф. альм. М., СПб. 1993. № 3. С. 366.

² Бонч-Бруевич В.Д. Воспоминания. М., 1968. С. 136.

³ Документальный фильм «Леонид Николаевич Андреев у себя на даче в Финляндии» (операт. А.И. Дранков). Лента состоит из девяти эпизодов, в трех из которых фигурирует Чириков.

⁴ Андреев Л.Н. S.O.S: Дневник (1914-1919). Письма (1917-1919). Статьи и интервью (1919). Воспоминания современников (1918-1919). М., СПб., 1994. С. 127.

⁵ См.: Переписка Л. Андреева и Е.Н. Чирикова // Леонид Андреев: материалы и исследования. М., 2000. С. 33-34, 54, 78.

⁶ См.: там же. С. 36.

⁷ Цит. по: Hellman В. Встречи и столкновения. Статьи по русской литературе. – Meetings and clashes. Articles on Russian literature. Helsinki, 2009. С. 72.

⁸ См.: Литературное наследство. М., 1965. Т. 72. С. 547.

⁹ Цит. по: Спиридонова Л.А. Был ли Горький «пораженцем?» (По материалам публицистики эпохи Первой мировой войны) // Русская публицистика и периодика эпохи Первой мировой войны: политика и поэтика. М., 2013. С. 151.

¹⁰ Впервые рассказ был опубликован в газете «Русское слово» в № 297 от 25 декабря 1914 года под названием «Свидание с братом» и имел подзаголовок «Святочный рассказ».

Евгений Чириков

(Из книги: *Эхо войны. М., «Московское книгоизд-во», 1915.*)

СВИДАНИЕ

Последнее письмо от брата было несколько необычным: оно напоминало духовное завещание человека, приговоренного к смерти... «Стоим на передовых позициях под Ч-м, невылазно сидим в окопах под непрерывными разрывами немецких «чемоданов» и вылезаем из своих могил только во время неприятельских атак. Две атаки отразили, но ждем третью, и у меня такое чувство, что на сей раз счастье изменит мне, а потому я и пишу тебе, как и что сделать в этом случае. Прощай, всех вас крепко целую!..»

Письмо было отправлено с оказией: с раненым в последней атаке товарищем, и потому пришло сравнительно скоро. Наш передовой отряд направлялся на фронт Ченстохов – Краков, и меня настойчиво преследовала мысль о свидании с братом. Пока мы пробирались к действующей армии, наш маршрут внезапно изменился, затем – прошло уже около трех недель от даты письма, и когда мы доплзли до Опочны, я не знал не только о том, где находится теперь брат, но даже – жив ли он. Раньше под руками были печатаемые в газетах списки убитых и раненых, а теперь – полная неизвестность: в Опочну не доходили газеты и письма, городок был отрезан от остального мира и жил своей собственной жизнью. Было слышно, что наши армии свершили какую-то диверсию, совершенно изменив свой фронт; по всей ли-

нии гремела канонада... После удачного боя под Опочной нервное напряжение города разрядилось; в единственной цукерне опять воцарилось оживление, растворились двери многих закрытых было лавок... Неожиданно нашелся попутчик в штаб той армии, где находился мой брат... Решено: еду искать его, и во что бы то ни стало, повидаясь с ним, если, конечно, он существует еще на свете. Маленький ручной чемоданчик со сменой белья и с бутылкой коньяку и фунтом паюсной икры, подаренных мне при отъезде друзьями и до сей поры непечатными, сбереженными именно на этот случай, – вот весь мой багаж.

Благополучно, под непрерывную музыку пушек, свершили переезд до штаба армии, издесь я узнал, каки где следует искать мне брата.

– А жив он? – спросил я с тревогою в сердце.

– Простите, этого мы вам сказать не можем. К нам поступают сведения, но не так быстро. Справьтесь, Н.Н!

Томительное и мучительное ожидание! Минуты кажутся часами. Издесь слышна канонада, глухо так, словно тяжело вздыхает в горах великан.

– Неделя тому назад был жив.

– Благодарю вас!

Неделя тому назад! В этой войне неделя – долгий срок, слишком долгий!

Такой милый, лобезный народ:

– Вам придется – в Кельцы. Хотите, я вас довезу до Келец на автомобиле?

– Как же не хотеть? Я вам буду страшно благодарен! Ведь, на железной дороге теперь проедешь суток трое минимум...

– Да. А то и пять суток бывает...

– А подводу не найдешь за сто целковых.

– Комендантом посланы казаки ловить фурманки... Так завтра к десяти будьте готовы.

На другой день мы мчались по сравнительно мало попорченному шоссе на

Кельцы. С утра день хмурился, в воздухе стояла пронизывающая сырость, плыли туманы, белел снег на поросших сосной вершинах гор, отрогов Карпатских. Прекрасный сильный автомобиль преодолевал все препятствия, а на ровных местах, когда не мешали встречные обозы, мчался со скоростью 80 верст в час, каскадом разбрасывая жидкую, похожую на растворенный в молоке шоколад, грязь. Резкий, мокрый ветер бьет в лицо, мерзнут уши, надоедает насморк... Спустя час-два день проясняется, туманы тают, и изредка начинает ласково улыбаться солнышко. Ярко зеленеют озими, сосновые леса, горизонты в синих горных силуэтах. Должно быть, здесь великолепно летом! Так красивы эти горные плато, холмы и горы, речки, белеют хуторы. Природа напоминает крымские долины, и мысль невольно несется к мирным и ласковым воспоминаниям о нашем южном побережье, о золотом песке, горячем солнце и сладостной истоме, и кажется странным, что люди истребляют друг друга, позабывши о всех радостях, которые разбросаны так щедро Творцом для человека по всей земле... Господи, какая красота! А лицо моего спутника озабочено, хмуро, он так далек в эту минуту от меня и моих мыслей. Он – летчик, начальник авиационного отряда. Умное, энергичное лицо, в петлице ленточка Георгия.

– Простите: я не знаю вашей фамилии!

– Ткачев!

– За что получили Георгия?

Хмурое лицо сразу просветляется, и милая улыбка скользит и прячется под холацкого типа усами.

– За удачную разведку во время Люблинских боев у Красника.

Рассказывает подробности. Успел раскрыть обход, наметить расположение неприятеля, и получились прекрасные результаты. Раздобыв все нужные сведения, летел обратно, попал под неприятельский обстрел и потерпел аварию:

пуля перебила трубку, передающую масло, и волей-неволей надо было опуститься в районе неприятельских войск...

– Однако, выкарабкался! В так моменты мысль работает с тройной энергией: сбросил сапог, и остановил поток масла. Оно, конечно, лилось, но значительно слабее, и потому мне хватило его добраться до линии своих войск, и так образом спас аппарат, себя, а плавное – сохранил результаты разведки...

Спутник преобразился и начал говорить о полетах, как поэт. Он нарисовал мне картину одного полета над боем во время вечерней зари и чудес на небе.

– Не умею передать чувство, которое я испытывал в этот момент!.. Если бы я владел кистью и красками, я написал бы, попытался бы написать, особенно запомнившийся мне момент, какую-то фантастическую комбинацию красок в небе и над землей, крыло моей птицы, горящую деревню с черным облаком тяжелого дыма, которое румянила вечерняя заря... Я летел и думал: даже в ужасах войны есть красота, величие и поэзия... С тех пор как я стал летать, я вылечился от хандры и скуки. Я был артиллерийским офицером и томился от скуки жизни, а теперь... Ах, если бы нам побольше и получше аппаратов! Еду с надеждами все это выяснить и... вот видите: мне бы следовало полететь, а я еду на автомобиле! – с горечью кончил собеседник, и лицо его снова хмурилось. До Келец ехали около трех часов и затем расстались: я остался в номерах, а спутник помчался далее. Ну, слава Богу, теперь только 20 верст до брата! После пребывания в уездных городках и местечках Кельцы кажутся столицей. Чист номер с мягкой постелью, с чистой простыней, с электричеством, с умывальником, с электрическим звонком, к которому стоит только прикоснуться, как появляется пан кельнер и спрашивает:

– Цо треба пану?
 – Баня в городе есть?
 – Ни! Може пан хце ванна?
 – Прекрасно!
 Иду к ванне. Увы! Надо ждать очереди.
 – А когда будет очередь?
 – Ютро на вечур!
 Это значит – завтра вечером! Попасть в ванну скоро – все равно, что выиграть в лотерею. Можете судить, сколько грязного народа приезжает в Кельцы, если надо записаться в очередь на завтра вечером?! Отправился в ресторан при номерах и наслаждался: ел порцию за порцией. И все было так вкусно, что аппетит не потухал. Я с удивлением и упреком смотрел в глубину своей души и не узнавал себя: обжора, положительно обжора! Меня, однако, уже узнали:

– Простите: вы... не писатель Чириков?

Я сконфузился. Мне подумалось: этот человек видел, как жрет писатель... Хотелось отречься от своего имени, но...

– А что?

– Позвольте познакомиться!

Спешу использовать нового знакомого по части подводы. Одна надежда на коменданта, но едва ли! Даже офицеры, отправляющиеся в свои части, ждут по трое суток очереди...

– Пожалуй, легче попасть в ванну!

Так и вышло. Подвод нет. Кельцы сделались таким пунктом, где теперь острое передвижение. Весь ресторан кишмя кишит военным людом. Среди него с первого взгляда отличишь боевиков, т.е. офицеров с передовых позиций: они худы, лица их зеленоватого цвета, глаза беспокойно блуждают, одеты некрасиво, грязновато, без претензий, но практично: чувствуют они себя как-то неловко, стесняются. Одичали, милые! Подсаживаюсь к такому милым дикарям, завожу разговор. Охотно рассказывают и очень много интересного. Боюсь, что все эти рассказы уже сделались воспо-

минаниями и, может быть, о них в свое время уже писалось в газетах, а потому не решаюсь их передавать. Однако, об очень многом и очень интересном ни где не писалось... Да и мне лучше помолчать покуда. Как-нибудь при случае...

Прожил день, прожил второй до обеда. Пришел уже в отчаяние. Всего 20 верст, а не доберешься... Пошел бы пешком, но... забредешь куда-нибудь к немцам, вместо родного брата... Опять наслаждаюсь рестораном: дворец, да и только! После собачьей жизни в грязи, в сырости, в холоде, в неряшливости, при полном отсутствии примитивных культурных удобств, даже в уборной ресторана испытываешь радость жизни! И вот снова счастливый случай! Положительно везет! Сиджу за своим столиком и приглядываюсь к публике. Замечаю, что на меня очень пристально смотрит господин в форме военного врача. Сразу видно, что он не настоящий военный, а также, как и я – временный. Приглядываемся друг к другу, чувствуя взаимное тяготение. Я срываюсь с места и подсаживаюсь, знакомлюсь: врач из Саратова. Жалуюсь на свое безвыходное положение.

– А ваш брат в каком корпусе?

Называю корпус и полк.

– Это рядышком с нами! Верстах в шести от нашего отряда. Хотите доvezу? У меня свои лошади и бричка.

– Благодарю! Когда же поедем?

– Завтра утрьшком.

Хочется думать, что сами небеса вмешались в мою пользу и посылают мне счастливые случаи и неожиданных благодетелей... Итак, завтра последний этап моего путешествия. Нежился ночью в постели, словно купался в наслаждении, нюхал чистое белье, и прелесть электричеством, стал было засыпать, и вдруг прилетела в голову непрощенная мысль:

– Приеду и вдруг мне скажут: он убит, ваш брат.

Хорошо, мягко, никто не кусает, а не

спится: тревога дрожит в душе, и все не хочется, чтобы поскорее прошла долгая ночь...

Выбрались из Келец только около полудня: пропал денщик доктора, побужавший кеврею починить свои сапоги.

– Черт его сунул сделать это именно в то время, когда нам надо ехать! Ведь, говорил я ему, чтобы к десяти лошади были в упряжи!.. Как мы, русские, не умеем располагать своим временем! Стояли целые сутки, и он... Вон бежит... Какого черта ты...

– Так что, ваше скородие, сапоги были не готовы, ждать пришлось.

– Живо!

– Попою лошадей и готово! Живой рукой... Поспеем!..

Через десять минут уселись в высок австрийскую бричку, с грохотом выкатились из-под арки ворот и, замешавшись в уличной толчее, стали с трудом пробираться вперед, ныряя среди обозных телег, парков, автомобилей, казацких взводов, громыхающих солдатских кухонь. И все казалось, что никогда не выплывем из этой бестолковой сутолоки... Но вот мелькнули последние домики города, и раскрылся простор огромной горной долины, которую в разных направлениях пересекали политые густой серой грязью шоссейные дороги. До Келец грязь напоминала шоколад, здесь она напоминала какао. Впереди синели причудливые контуры покрыт лесом гор, и глаза жадно искали там что-то. Казалось, что стоит добраться до этих гор, – и за ними увидишь нечто необычное, составляющее самую сущность войны, узнаешь и поймешь самое страшное таинство взаимоистребления. Но приближались к горам, вползали на высоту и спускались. Пре красныи сосновый лес; мирно и тихо; глаза отдыхают в зеленоват лесном сумраке, и кажется, что едешь родным лесом где-нибудь в Поволжье, и не верится, что так близко лю-

ди жесточенно уничтожают друг друга. Обгоняем конный полк. Он гуськом тихо, не торопливо пробирается, словно свершает прогулку; всадники беспечно болтают, покуривают, перешучиваются. Приветливо обмениваемся козырянием. Так красива эта вереница всадников на чудных гладких умных лошадях в таинственном лесу в горах!

– Пулеметы на седлах! А вон конная артиллерия...

Душа вздрагивает и проходит мираж родного леса и мирной тишины. Выезжаем из леса, и снова обширная долина с дорогами из растворенного какао. А войны все нет. Мирно поглядывают курицы около попадающихся придорожных хуторков, провозжает злым лаем домовитая, заботливая собачонка, житель постаивает у ворот, покуривая трубку и провожая нас загадочным, тяжелым взглядом. Ох, как же, должно быть, надоели мы все бедным жителям! Ехать быстро нельзя: чем дальше, тем хуже дорога: ямы, голдобины. А вот и вестники близкого кровопролития: тянется вереница похожих на огромные гроба фурманок, запряженных парами тощих лошадей, болтаются на палках флажки с красными крестами и, как покойники, вытянувшись во всю длину, по трое, потрясываются и стонут солдаты в окровавленных повязках...

– Откуда?

– Из-под М.!

Тревожно вздрагивает сердце. Быть может, только вчера в одном из боев на этом фронте убит мой брат!..

– Далекo, доктор, нам ехать?

– Часа два еще проедем. До нас, до нашего перевязочного пункта. А там покормим вас и проводим до Р. там недалеко – верст семь, – но зато очень грязно.

Проезжаем городок Х. изумительный городок. Точно кусочек средневековья. Улицы узенькие и дома, закопченные, древние, в таком причудливом беспо-

рядке; неожиданные дверки, окошечки, переулочки; крыши поросли грибами, мохом, навесы и лавчонки, за которыми торчат целые семейства евреев в костюмах, так идущих кобщему виду улицы. Беднота ужасающая. Живут, как клюпы в щелях, в каждой каменной трещине. Таращатся из дыры в стенах красивые огромные черные глазенки кудрявых ребят, пугливо выглядывают измученные лица матерей. Но вот – старый костел и более чистая польская часть городка. Над ним высокая гора, и на ней развалины старинного замка... Серый туман, висящий над городом, мешает рассмотреть развалины, и они как-то фантастично, словно из облаков, смутно рисуются причудливым расплывчатым силуэтом сказочного замка из Ариосто... От города наша бричка свертывает с шоссе и тихо ползет по непролазной грязи. По сторонам – горы, усеянные окопами. Перебегают с фанерками солдаты, кажущиеся муравьями. Кое-где жители укрепов: они роют окопы и сейчас отдыхают. И все-таки никакой войны нет!.. Тихо и совсем не страшно, и не кажется опасным. Совсем не так представлял себе область передовых позиций. А, вот оно! Грохнул орудийный выстрел, за ним второй, третий, потом сразу выстрелов шесть на протяжении секунды. Эхо покатилося в горах, но ветер от нас, и ночная канонада кажется далекой...

– Началось! Нынче пасмурный день. Туман мешал... Теперь маленько прояснилось, – вот и начали...

Чтобы избавиться от грязи, свернули на луга и поехали по сырой поблекшей траве. Направо, наохлившись, виднелись маленькие деревушки по несколько хаток.

– А вот и наша стоянка! – показал доктор.

Приехали в полку вой перевязочный пункт. Деревушка из пяти «халуп», – так называются здесь крестьянские избы.

Две из них занимает перевязочный пункт. На пороге появляется несколько молодых людей в папахах радостными восклицаниями издали приветствуют доктора.

– А я вам гостя привез! Узнайте-ка вот!

Отрекомендовал молодым врачам, похожим еще на студентов, и те не сразу поверили, что я – действительно я. Рассмотрев, однако, убедились и несказанно обрадовались свежему, невоенному человеку. Так вот как живут военные врачи на позициях! Халупа сажени в три длины и две ширины, большая часть ее занята очагом, пищат ребятишки, толкуются хозяйева, а на полу – солома, и на ней спят пятеро врачей. Тут же перевязывают раненых, которые тут же иногда и умирают...

Молодой, жизнерадостный народ. Живут дружно, как родные братья. Хорошо накормили меня супом, угостили красным вином и, дав мне лошадей, решили доставить на место под почетной охраной. Двое молодых врачей сели верхами и поехали по обеим сторонам моей фурманки. Ехать было так спокойно под охраной этих здоровых и веселых молодых людей, но трудно: грязища феноменальная, косогоры и ямы с водой. Както сразу потемнело, туман повис над низиной, и охрана, ускакав вперед на разведки, возвращалась и руководила моим возницей, показывая, как и где легче проехать. В результате этот последний переход оказался самым тягчайшим и потребовал часа два времени. В деревушке мигали подслеповатые огоньки, и маленькие костры в ямах светились, как светляки, по огородам и задворкам. Халуп двенадцать, а живет целый полк. Халупы заняты офицерами, а солдаты живут в землянках, в сараях, хлевах, в конюшнях. Ночи сырые и холодные... И все-таки их считают счастливыми: они на отдыхе, не в окопах!..

– Л-й полк здесь?

– Так точно!
– Капитана такого-то знаешь?
– Они другого батальона!
– А где живет? Которая халупа? Проводи!

Спутники простились и поехали обратно, а я двинулся за солдатом.

– Так что едва ли вы их обнаружите. Никак их батальон вчерась на очередь встал...

Вот незадача. Только вчера ушел. Но и то хорошо, что жив! Неужели все мое многотрудное путешествие должно оказаться бесцельным? Так горько стало и обидно...

– А окопы далеко?

– Не! Версты четыре. Може, пять...

– А можно попасть туда?

– Можно, ежели... ночью можно. Денщики ночью обед носят. Так что теперь настоящих боев нет, а только артиллерийский. А из ружей только так, пугают друг дружку...

– А немец близко?

– У нас австрияк, – презрительно произнес солдат... – Сегодня в горах обоз у них подбили. Две горы сходятся, а вщели-то меж них приметили – ползет... Чуть видать. В биноклю заметили. И начали артиллерией. Теперь бросили, стоит на месте, в биноклю видать, а только взять нельзя!

– Почему?

– Не дают! Обстреливают шрапнелью. И мы им не даем, и они – нам! Лошадей и прислугу всю перебили, а только ни себе, ни людям...

Отыскали халупу брата и его денщика. Халупа маленькая, грязная, обстановка та же, что и у врач ей. Увидел на столе культурные вещицы брата и словно приблизился к нему и еще сильнее захотелось повидаться. Присел было на кровать, думая, что она – братняя, и вдруг почувствовал под собой что-то живое. Даже испугался. Вскочил. Зашевелился покров, и выглянуло две головы: муж-

ская и женская... Денщик покатился со смеху. Оказалось, что я сел на хозяйев дома...

– А где же спит твой барин?

– На полу мы с ним спим... Барин не любит жителей беспокоить, не как другие.

– А не сходить ли нам к барину? Как думаешь?

– Можно. Так что они сегодня не приказывали, а завтра ночью с обедом...

– А опасно?

– Да, ведь, как сказать? Все от Бога! Я вот ничего, хожу... Бог бережет... Сейчас не так, чтобы опасно, а так говорится, что пуля – дура... Кто знает, что они ночью думают. Сейчас спокойно, а сейчас – в атаку... и грязно. Не дойдете пешком, ваще благородие. Так что лошадка у барина есть. Можно верхом. Я могу вперед...

Денщик почесывается, позевывает. Видимо, ему не улыбается мой план.

– Ехал-ехал повидаться с братом, неужели таки уехать, не повидавшись?

– А вы им брат будете?

– Брат.

– Родной?

– Родной.

– Надо проводить, а то барит сердиться будут... Ежели не боитесь, так...

Нельзя сказать, чтобы я не чувствовал никакой боязни. Что-то тревожно копошилось в глубине души, мышка какая-то человеческой трусости, именуемой чувством самосохранения, бегала в организме, понюхивала и прыгала по уголкам. Надо ее прогнать. Покурил, вышел во двор, посмотрел, послушал. Темно и тихо. Тайна висит в ночном молчании. Так приятно чувствовать опасность и сознавать себя храбрым. Пробунчал «Что день грядущий мне готовит» и, вернувшись в халупу, решительно и громко приказал:

– Одевайся! Идем в окопы!

– Лошадь прикажете оседлать?

– А смирная?

– Была резвая, а только теперь как теленок!.. Хворает. Да, ведь, ночь-то и нельзя резво-то ехать, как раз в канаве будешь. Доползем как-нибудь...

Через четверть часа мы двинулись. Опять заползала и забегала в душе мышка, но где-то хрипло пропел петух, – и все показалось вдруг таким простым, обыденным и обыкновенным. Вон! Даже петух поет... как всегда! Солдаты на дворе ругаются с упоминанием родителей из-за какого-то пустяка. У меня – насморк. Все так просто, и никакой войны не чувствуется. Не верится даже, что верстах в пяти людей сторожит и днеми ночью смерть. Вон в той стороне, где темнеет похожая на упавшую тучу гора!.. Попадались огромные рытвины, наполненные водой, денщик вскакивал на лошадь, и мы ехали вдвоем.

– Не слезай! Поедем вместе! Торопиться некуда...

Темно, но чувствуется уже подъем. Тянет мозглой сыростью из межгорий. Где-то тяжело вздыхают орудия. Еду и думаю: «а все-таки я – храбрый... Что-то делают теперь у нас дома? Вероятно, думают, где я и что со мной. Видимо, письма не доходят. Если убьет шальная пуля, нескоро узнают».

Тихо шагала лошадь, я покачивался в седле, и мысль моя летала далеко-далеко от настоящего момента. Меня уже убили, и теперь рисовались все последствия. Каки что будет. И такя фантазировал и не заметил, как взобрались на пологую гору.

– Ваше благородие! Здесь у дерева надо привязать лошадь, а самим тгить надо.

– Разве близко?

– Так что с полверсты...

Раскрыл глаза. Стоим около дерева. Чьи-то голоса. Два казака, лошади которых у дерева же. Денщик тихо говорит с казаками, объясняя нашу задачу...

– Не стреляют?

– Тихо. У них сегодня сочельник. Видно, Богу молятся, сволочи...

– Вот бы угостить хорошенько!

Пошли зигзагами в гору. Ничего не видать. Никаких окопов. И вдруг в темноте скверное слово, брошенное вполголоса. Огонек в земле, – кто-то закурил...

– Сюда, тут поосторожнее... Ямы!

Иду, боясь отстать. Окопы чувствуются. Чувствуются близко живые люди. Нырнули в канаву, прошли по ней шагов десять, и денщик остановился.

– Ну!

– Кто идет? – тревожно спросил голос словно из-под земли. Голос брата!

Денщик приподнял рогожку, играющую роль дверки, и я очутился при входе в землянку, в маленький склеп, в могилу... Кубическая сажень, на полу – солома и кудель, в углу воткнутая в стену обломанная лопата и на ней свеча. Таинственный полусвет и рослая фигура брата, который стоит и удивленно, почти испуганно, смотрит на меня и не может узнать. Ведь, я в военной форме!

– Здравствуй, Алеша!

– Гения! Как же это?!..

– А вот так... в гости приехал... Вот и гостинца привез... Бутылку коньяку и икры!..

Мы крепко расцеловались. Брат отвернулся к стене и отирал пальцами слезы. Нервы поистрепаны у обоих. Я тоже не сдержался, и оба мы, отвернувшись в стороны, посопели, конфузясь и стесняясь своей сентиментальности... Потом стали говорить о родных и о разных пустяках, не относящихся к переживаемому моменту, за труднялись оба в темах вообще чувствовали и радость, и смущение, и какую-то неловкость. Мысли скакали, как блохи. Несколько раз я повторил про коньяк и икру, но даже не догадался выпить за свидание при столь необычной обстановке. Начал, было, он рассказывать, как было тяжело под Ч-вым, но в этот момент грохнул

взрыв, и мелкая земляная крошка посыпалась с потолка... Проклятая мышка вновь забегала и затуманилась в душе.

– Это наши! Караулят, часы отбивают... А все-таки ты напрасно рискуешь... Авдвуг атака? Что яс тобой буду делать?

– Сяду на лошадь и ускачу!

– Мг... думаешь, что это так легко сделать?

И вот сразу оба мы потеряли спокойствие и хладнокровие. Брат топтался в берлоге, говорил, что как только начнет светать, так начнется перестрелка... И тогда нельзя вылезать, – начнут свистеть пули. Тогда уж не уйдешь! Придется сидеть до следующей ночи...

– У тебя недурно устроено...

– Для батальонного командира делают особняк со всеми удобствами. От меня телефон, только, конечно, не с Москвой и не с Питером...

– А солдаты близко?

– Впереди. Недалеко...

– Спят?

– Какой сон! Тычутся носом. Спросонья выстрелит один, и начнут все жарить в небо... Тогда и там тревожатся.

Опять грохнула наша батарея, а потом я застыл в ужасе. Точно на самой головой раздался орудийный выстрел, земля посыпалась с потолка землянки, и за рогонкой послышалось шепотом:

– Ах, ты так...

– Это, брат, «чемодан» прилетел! – прошептал брат.

– Близко разорвался? – Нет. Не особенно... А все-таки тебе надо уходить... ничего, брат, не поделаешь... Черт их

знает... Так близко еще не падали...

– Да... Ничего не поделаешь...

Помолчали секундочку. Так жаль было расставаться. Жалко и как-то совестно. Любовь и нежность к брату перемешивались с чувством подлого животного страха.

– Иди, милый! Спасибо, что навестил! Всех, всех крепко расцелуй от меня...

Обнялись, крепко поцеловались и, нырнув под рогонку, я вышел из землянки. Брат вышел проводить:

– Зотов! Смотри, береги барина! – строго, почти сердито крикнул он денщику.

– Так точно! Буду стараться, ваше высокородие!

– Ну, храни тебя Бог!

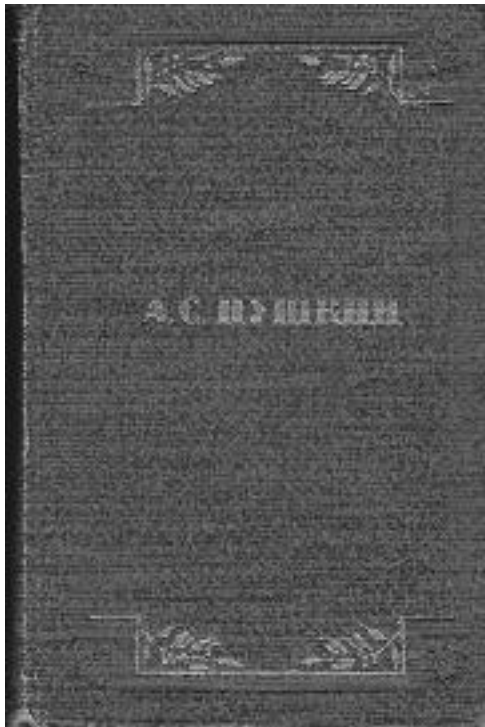
Пошли по канаве, и когда я, спустя секунду, обернулся, ничего не было. Землянки было не видеть, и все, что случилось, казалось сном, фантазией...

Не больше часа пробыл в гостях. Потом, всю дорогу, по качиваясь в седле, чувствовал какое-то угрызение совести. Почему я не побыл еще час, еще два? Ночь темная и долгая, и вот опять тишина и молчание. И ничего нет страшного и опасного... А, ведь, все может быть... Быть может, это было нашим последним свиданием?

– Эх ты!

И слезы прыгали с моих ресниц, и все тянуло обернуться, повернуть лошадь. И все что-то мешало, и лошадь шагало во тьму ночи, все дальше и дальше от брата, оставленного мною в сырости, страшной мошале...

АРХИВ

Виктор Цоффка

Из Энеиды два стиха¹

Можно ли определить, какие именно стихи из эпической поэмы Вергилия «Энеида» знал наизусть Онегин? Может быть, эти стихи составляли некое единое целое из двух или более стихов.

В пушкинских черновиках, которые ввёл в научный оборот ещё в 1937 году Б.В. Томашевский, на 219 странице есть два варианта из черновых рукописей, в которых речь идет о трёх стихах:

И помнил (хоть не без греха)
Из Энеиды 3 стиха

Да помнил он (не без греха)
*Вергилия целых три стиха...*²

То есть, первоначально для Пушкина было важно, что речь идет именно о трех стихах, но потом, возможно, чтобы затушевать определенность этих стихов, поскольку в них был заключен глубокий политический смысл, он сократил их до двух.

Несмотря на то, что для Вергилия русских переводчиков хватало, переводили они его либо слишком тяжёлым, либо слишком лёгким слогом. Эту особенность отметил М.Л. Гаспаров в статье «Вергилий, или поэт будущего»³. Надо заметить, что в России Вергилия не любили, потому что не понимали. А поэтом он был «го сударствообразующим»! Всё в той же статье Гаспаров признаётся, что избегал стихотворных цитат, а при необходимости давал их в своем прозаическом переводе. После прочтения этой его статьи и других работ нетрудно догадаться, о каких стихах идет речь. Здесь важно знать, на какие стихи из поэмы Вергилия нацеливали лицеистов педагог, преподаватели латинского языка, какие стихи заставляли заучивать. Поскольку из лицеистов готовили государственных мужей, то, вероятно, особое внимание уделялось стихам, утверждающим римскую государственность. Такие стихи находим в VI-й книге «Энеиды». В широком контексте можно говорить о семи стихах, с 847 по 853, ибо трём стихам, которые, по-видимому, имел в виду Пушкин, предшествует «введение», а сами они начинаются с обращения: «Ты же, римлянин, помни...!»:

*Пусть другие⁴ тоньше выкуют
дышащую бронзу,*

живыми выведут облики из мрамора,
лучше будут говорить речи, тростью
расчертят движенье небес
и предскажут восходы светил –
ты же, римлянин, помни – державно
править народами, и будут
искусства твои: налагать обычаи
мира,
щадить покорённых, азаносчивых
смирять оружием.
(Перевод М.Л. Гаспарова)

В оригинале, они выглядят так:

(847) *excudent alii spirantia mollius aera*
(848) *(credo equidem), vivos dicent de*
marmore vultus,
(849) *orabunt causas melius, caelique*
meatus
(850) *describent radio et surgentia sidera*
dicent:
(851) *tu regere imperio populos, Romane,*
memento
(852) *(hae tibi erunt artes) pacique*
imponere morem,
(853) *parcere subiectis et debellare*
*superbos*⁵.

По мнению Гаспарова, «здесь, на самом переломе поэмы устами Анхиса⁶ произносятся ее ключевые стихи, знаменитая формула исторической миссии Рима». Комментируя их, Гаспаров подчеркивает: «Эти слова замечательны: поэт говорит о Риме, но в поле его зрения – весь круг земной, а в мысли его – мир между его народами. Эгоцентризма (на этот раз национального) нет и здесь. Римляне – народ избранный, но не потому, что он лучше других, а потому, что он способен поддерживать мирное единство всех остальных народов. Символ этого единства – начало самого римского народа: скоро мы увидим, как в нем сливаются и троянцы, и латины, и этруски, и дорогие сердцу поэта Эвандровы аркадяне.

Имени Трои больше нет: троянское зерно умерло и поросло новым колосом. Власть Рима над миром – не право, а бремя, оно требует от несущего жертв, и прежде всего – отрешения от чреватых раздорами страстей (VI, 832: „Дети, дети, не приучайте сердце к таким войнам!“ – отечески обращается Анхис к стенам – ни много ни мало – Цезаря и Помпея). Выдержит ли римлянин этот нравственный экзамен?»⁷.

В стихотворении Пушкина «Царское Село» 1823 года читаем: «Другой пускай поет герою войну», – и здесь он, конечно, имеет в виду Вергилия и начало его героической поэмы «Энеида»: *Я пою брани и мужа (Arma virumque caeno)*.

Ещё С.С. Аверинцев заметил, «Вергилий дал окончательный и непрерываемый образец для классицистически ориентированного эпоса Европы. Ни Аристотель, ни Тассо не могли обойтись в зачине своих поэм без непременного “caeno” (“пою”)... И так далее, и так далее, – вплоть до пародийного вступления к Евгению Онегину, шутки ради перемещённого в самый конец главы седьмой: *Пою приятеля молодого / И множество его причуд...*»⁸.

Если в 1823 году Пушкин писал «Другой пускай поёт герою войну», то уже в 1828 он не может оторваться от этих «вергилиевских» тем и создаёт «Полтаву», а в 1833 году – поэму «Медный всадник». «Герою Полтавы» и основателю империи и новой столицы посвящает русский поэт эти две поэмы. Поэтом будущего назвал Гаспаров Вергилия, но «поэтом будущего» можно назвать и Пушкина. Когда в октябре 1833 года в далёком Болдине поэт приступал к созданию поэмы «Медный всадник», он должен был вспомнить героическую поэму Вергилия «Энеида». Вступление к поэме насчитывает массу ингереснейших вариантов почти на все строки

вступления, показывает тем самым напряжённую работу над каждым стихом.

«И Вергилий, и Пушкин апеллируют к пафосу истории», – пишет исследователь творчества великого римского поэта С.С. Аверинцев⁹. Он отмечает, что «впервые в истории европейской культуры глубоко прочувствована, пережита и превращена в особую поэтическую тему близость дальнего и удалённость близкого, поражающая воображение и чувства читателя». Так главный герой Эней впервые вступает на берег реки, которая ему ещё неизвестна, и река эта – Тибр: там, где будет римский порт Остия, пока одни леса, полное безлюдье!

*Видит с моря Эней берега, заросшие
лесом,
Имеж огромных деревьев поток, отрадный
для взора:
Это струит Тиберин от песка
помутневшие воды
В море по склонам крутым. Над лесами
стаи пернатых,
Что по речным берегам и по русам
вьют себе гнезда,
Носятся взад и вперед, лаская песнями
небо....*

(Кн. VII, 29-34, перевод С. Ошерова)

Этот искусный приём Вергилия, называемый зачином, мы находим в первых же строках «Медного всадника»: «...На берегу пустынных волн...». Сейчас этот ландшафт преобразован человеческой волей, насыщен историей и жизнью народа. Увидеть эти места в первородности – до историческими и дикими – подстать только поэтическому воображению и перу гения. «Берега Тибра, берега Невы, – пишет Аверинцев, – привычные, до мелочей знакомые и совсем иные; подразаумываемый подтекст – вот как история меняет лик земли»¹⁰. Так благодаря настоящему и

через него таинственная глубина прошлого и таинственная широта будущего раскрываются навстречу друг другу.

Аверинцев приводит мнение Дж. Р. Уилсона, который в работе “Action and Emotion in Aeneis” понимает тему «Энеиды» как непримиримый конфликт между идеей чело вечности и идеей Рима: «humanitas и Romanitas не могут быть соединены»¹¹. Эту тему развивает А.М. Ранчин: «... Пушкин не становится ни на сторону Власти, ни на сторону Человека в их трагически неразрешимом противостоянии – конфликт истинно трагичен именно потому, что неразрешим; оба по-своему правы, но две правды несовместимы друг с другом»¹².

Топоров подмечает, что общий нравственный принцип, высказанный Анхисом в царстве мертвых в наказе Энею в словах «Энеиды»: *в этом искусство твоё... / милость покорным являть... (haec tibi erunt artes ... / parcere subiectis ...)* (VI, 853-854), нашёл своё отражение через две тысячи лет в одном из стихов пушкинского «Памятника»: *И милость к падшим призывал* (1836)¹³.

Когда Пушкин будет подводить итоги своему творчеству, то в отличие от Горация или Державина он не будет говорить о своей славе, возрастающей с веками, ни о своих заслугах перед государством, он скажет лишь о своих заслугах перед гуманизмом, о том, что пробуждал в людях своей лирой добрые чувства. И в этом проявлении человечности он находит родственную душу в лице римского поэта.

Таким образом, Пушкин в своём знаменитом стихотворении опирается не только на Горация, но и на Вергилия – на поэзию величайших поэтов античного Рима!

Когда Эней и его спутники отправляются в бурное море на поиски

пустынных земель для новой Трои, когда им ещё неведомо, куда плыть и куда занесёт их судьба, где найдут они приют, возникает пушкинское вопрошание из «Осени»: «Куда ж нам плыть?...». И если этот вопрос у Пушкина возникает в минуту поэтического вдохновения и поэт уподобляется кораблю в момент отплытия, то Эней тоже можно сравнивать с поэтом, который ищет «поэтического слова» и поэтического выражения. Ведь сам Эней – автор стиха, прославляющего приношение – щит Абанта, повешенный на дверях храма в Анциуме. «Грек – победитель носил, посвятил же Эней побеждённый»¹⁴.

«В мае 1825 г. Пушкин из Михайловского писал А.А. Бестужеву о римской литературе: «У римлян век посредственности предшествовал веку гениев – грех отнять это тигло у таких людей, каковы Вергилий, Гораций, Тибулл, Овидий и Лукреций, хотя они, кроме двух последних, шли столбовою дорогою подражания...»¹⁵ – причём сделал сноску в виде примечания к этому отзыву: «Виноват! Гораций не подражатель».

О том, какую роль играл в творчестве и мировоззрении Пушкина античный мир, свидетельствует статья, к сожалению, неоконченная, Д.П. Якубовича – «Античность в творчестве Пушкина»¹⁴.

Латинские эпиграфы и изречения в пушкинское время были показателем дворянско-салонного образования, светской образованности. Можно предположить, что латынь была докучливой обязанностью лицеистов, но за школьником мы уже видим поэта:

*В те дни, когда в садах лица
Я безмятежно расцветал,
Читал украдкой Апулея
А над Вергилием зевал*
(Черновики, VI, 507)

Главным преподавателем в этой области знаний был Н.Ф. Кошанский (1782–1831), который в 1811 г. издал антологию «Цветы греческой поэзии», а в 1817 г. – учебник в 2-х томах «Ручная книга древней классической словесности, содержащая археологию, обозрение классических авторов, мифологию и древности греческие и римские». Это был перевод сочинения Эшенбурга с дополнениями переводчика. Именно книгой Эшенбурга Кошанский пользовался в своём преподавании латыни. Он привил вкус лицеистам к древней античной литературе и был главным проводником античности в их среде.

Пушкин, несомненно, обращался к книгам Кошанского, который старался перебросить мост между античностью и современной русской литературой, что было особенно важно для молодого Пушкина. Кошанский воспитывал в лицеистах вкус, сопряженный с ученостью, вскрывал полигические аллего-

рии. Преподавание латинского языка и латинской словесности Кошанским, а также Галичем и Георгиевским, велось на достаточно высоком научном уровне и давало немало лицеистам для самостоятельного восприятия античности.

Якубович пишет: «Гуляя по берегам царско-сельских озёр с Вергилием в руках («С моим Мароном»), Пушкин, несомненно, пользовался не только переводом, но и латинским подлинником. Экземпляр «Буколик», «Георгик» и «Энеиды» Вергилия в оригинале, в издании 1817г., с автографом Пушкина сохраняется и по настоящее время»¹⁶. Но можно сказать, что античность лицейских лет касалась Пушкина не только грациозно-шаловливой своей стороной, но и героической, что для нас особенно важно.

Пушкин писал имя «Вергилий» через «и» – «Виргилий», – так писали имя римского поэта с V в.н.э. вплоть до XX века. В XX-м веке возобладало правильное, аутентичное написание. Очевидно, раньше было принято во внимание мантуанское наречие латинского языка (Вергилий – уроженец Мантуи), где его имя произносилось как «вирджилио».

*... Скажи, когда ты нескучал?
Подумай, поищи. Тогдали,
Как над Вергилием дремал,
А розги ум твой возбуждали; –*

писал Пушкин в «Сцене из Фауста» (1825г.). Здесь примечателен факт издавна принудительного изучения «Энеиды» в школах из-под розги, о чем Мефистофель припоминает Фаусту (virga – розга, палка; Virgator – секущий розгами).

Осенью 2010 года человечество отмечало юбилей Вергилия – 2080-летие со дня рождения великого римского поэта. По этому случаю в газете

«Известия» от 18 октября 2010 года была опубликована статья Д.Л. Быкова «Из «Энеиды» два стиха». Автор статьи вспоминает, что в русской литературе такого эпоса, как в римской литературе, долго не было: он появился у Н.В. Гоголя («Мертвые души» – «Одиссея») и Л.Н. Толстого («Война и мир» – «Илиада»). В первой эпопее странствуют, во второй – воюют. Так в основе существования каждой нации лежат два эпоса – о войне и странствии. Автор делает предположение, что два стиха из «Энеиды», которые «не без греха» помнил Онегин – это знаменитые стихи из песни шестой, которые в прозаическом переводе Гаспарова мы приводили выше, и цитирует их в переводе А. Артюшкова: «Ты женодами править, о римлянин, властью помни, вот искусства твои – утверждать обычаи мира, покорённых щадить и сражать непокорных». А далее проецирует эту идею на наш сегодняшний день: «Мы сегодня стоим перед необходимостью заново сформулировать собственную задачу в мире <...>. Пусть другие куют, болтают, строят машины и компьютеры, городят огороды и обводняют пески — а ты, русский, помни... И здесь мы останавливаемся в нерешительности».

Но чтобы уложить эту идею в два-три стиха, нужен русский Вергилий (или надо быть Вергилием!). Однако способны ли мы принять сегодня вызов римского поэта?!

«Три стиха из Виргилия», из VI-й книги «Энеиды» (вернее, с 847 по 853 стих), выделяли и цитировали в своих трудах многие писатели и учёные как главные в поэме; они переводили их по-разному, но смысл сводился к одному: Вергилий устами Анхиса наказывал Римлянину помнить о главном и утверждать: 1) державность (государственность); 2) толерантность (гуманизм, единство и дружбу народов); 3)

ценности и силу государства, способного защитить себя.

Несмотря на то, что Пушкин с большой свободой высказывал критические суждения о России, ему было бы неприятно, если бы кто-либо со стороны рассуждал также, как он.

К мысли о том, какие именно стихи из «Энеиды» имел в виду Пушкин в «Евгений Онегине», я пришел независимо от Д.Д. Быкова еще до прочтения его статьи. Наш выбор совпал, и все-таки, следует заметить, что это не более чем предположение.

Примечания

¹ А.С. Пушкин. «Евгений Онегин», Гл. 1-я, VI строфа, 8-й стих.

² Пушкин А.С. Полн. Собр. Соч., т. VI. М., Издательство АН СССР, 1937г. – С. 219.

³ Гаспаров М.Л. Вергилий, или поэт будущего // Избранные труды / О поэтах. – М., 1997. – Т. 1. – С. 135.

⁴ «Пусть другие...» – речь идет о греках, которые будут лучшими художниками, ораторами, учеными, астрологами и математиками, будут превосходить римлян в науках и искусствах.

⁵ [ОРИГИНАЛ:] Publius Vergilius Maro. AENEIS. Aeneis VI. (...) (851-853).

⁶ Анхис – отец Энея, который был парализован; при падении Трои Эней вынес его на себе. Матерью Энея была сама Афродита.

⁷ Гаспаров М.Л. Указ. сочинение. – С. 133.

⁸ Аверинцев С.С. Поэтика ранне-византийской литературы. – М., 1977. – С. 185.

⁹ Аверинцев С.С. Внешнее и внутреннее в поэзии Вергилия // Поэтика древнеримской литературы. – М., 1989. – С. 37.

¹⁰ Аверинцев С.С. Поэты. Две тысячи

лет с Вергилием. – М., 1996. – С. 38.

¹¹ Там же. – С. 39.

¹² Ранчин Андрей. «Я родился и вырос в Балтийских болотах, подле...»: поэзия Иосифа Бродского и «Медный всадник» Пушкина // Новое литературное обозрение. – М., – 2000. – № 45, – С. 172.

¹³ Топоров В.Н. Эней – человек судьбы. Часть I. М., 1993. – С. 52.

¹⁴ Топоров В.Н. Указ. сочинение. – С. 91.

¹⁵ Пушкин Александр Сергеевич. Собр. Соч. Том девятый. Письма 1815–1830. М., 2006. – С. 150.

¹⁶ Якубович Д.П. Античность в творчестве Пушкина // Пушкин. Временник пушкинской комиссии. – М.; Л., 1941. – Вып. 6. – С. 92–159.

*Государственный историко-литературный музей-заповедник
А.С.Пушкина*

ВЦ

Франк Андриа

Мороз узором по стеклу

Франк Андриа (Andriat) родился в Брюсселе. Окончив филологический факультет Брюссельского Свободного университета по отделению романских языков, он стал в 1980 году учителем французского языка в государственной средней школе им. Фернана Блюма в Брюсселе, где работает по сей день. Франк Андриа — автор многочисленных литературных произведений для юношества. Он пишет также художественную прозу философского содержания. Творчество Франка Андриа было отмечено наградами Королевской литературной академии Бельгии и Ассоциации бельгийских писателей, а в 2014 году ему выпала честь представлять Бельгию в составе жюри Премии имени Ганса Христиана Андерсена, так называемой «Малой нобелевской премии» в области детской и юношеской литературы.

Многие его тексты были переведены на нидерландский, каталанский, английский, испанский, португальский, а теперь и на... русский язык. Чтобы поближе познакомиться с творчеством Франка Андриа, вы можете посетить его сайт www.andriat.fr

Застывшие в суровом дыхании зимы, поблескивают побелевшие поля. На востоке живая изгородь из колючего кустарника темным пятном прорисовывается на фоне светлого холма. А за нею небо — молочное, смуглое. Лучи бледного, только зарождающегося дня прорываются сквозь низкие облака. Потихоньку они делают свою работу: еще пару часов и ближе к полудню небо очистится и станет прозрачно-голубым. Под поступью тепла травы распрямятся под своей морозной шубой, напитаются свежей водой и под ласковой ладонью солнца к ним вернется их зелень и мягкость.

А сейчас раннее утро. Пелена затвердевшего снега укутывает деревню. Улица застыла, а от припорошенных снегом крыш еще не тянется запах дыма и потрескивающих в огне дров. Лишь кое-где можно заметить признаки пробудившейся жизни: горошины света пробиваются сквозь щели скрипящих полуприкрытых ставен; чтобы успокоить разлаявшуюся собаку, встревоженную боем часов на соседней церкви, вооруженный фонарем вышел мужчина; две женщины без видимой причины выскочили во двор и также быстро

юркнули обратно в дом – возможно, чтобы вдохнуть воздуха или чтобы крепкий морозный воздух стряхнул с них остатки сна.

Все это не ускользнуло от внимательного взгляда Барта. Закутанный в шерстяной свитер, он сидит сгорбившись у окна на кухне, все еще погруженной во мрак. Ему нравится вставать пораньше и наблюдать за пробуждением природы. Находясь снаружи, невозможно догадаться о его присутствии – он неподвижен у окна. Его дыхание глубоко, будто он все еще находится во власти сна, но взгляд внимательно ощупывает все, что попадает в поле зрения.

Стого места, где он сидит, открывается вид на всю деревню. Дома выстроились вдоль трех длинных, прихотливо извивающихся улиц. Шиферные крыши хорошо сочетаются со светло-коричневыми каменными стенами, и в прилегающем к каждому дому огороде только несколько грядок репчатого лука и капусты все еще противостоят зиме. А на участке Барта все уже вымерзло. Перепаханная земля свидетельствует о его осеннем рвении. То тут, то там – словно случайно пойманный взгляд – пятна светло-серой печной золы, которую он выбрасывает за порог одним небрежным жестом. Первым делом утром нужно растопить печь и прогнать остатки холода, а он прячется по углам, леденя тело и прокрадываясь в душу.

Отойдя от окна, он зажигает желтую лампу над столом. Теперь его очередь быть мишенью соседей. Не задерживаясь на этой мысли, он хлопочет по дому, словно спохватившись, что его ждут неотложные дела. Сначала налить воду в чайник на три чашки кофе, щедро сдобренного какао, затем достать из холодильника масло, чтобы оно чуть подтаяло и мягко ложилось на ржаной хлеб, а за ним – варенье, целых десять

сортов, чтобы каждое утро упиваться экзотическими ароматами, смаковать их и мечтать.

Пока закипает вода, быстрыми и точными движениями Барт выгребает золу из печи в большое железное ведро, складывает горкой щепки и дает заняться огню.

Можно подумать, что все его действия рассчитаны поминутно: когда пламя, наконец, разошлось, пробежавшись своими огненными пальцами по всей охапке, раздастся свист чайника. Поднявшись, Барт заливает молотый кофе кипятком, термос наполняется обжигающим напитком и это задает особый ритм – вот Барт и готов встретить новый день. Зазвучало радио, проскрипел ключ в замке, отпирая входную дверь, и тут же все неприятности мира хлынули в комнату; не успевая друга другом, слова собираются и громоздятся кучей на столе. Это перебор! Иной раз он просто выключает приемник, и вновь воцаряется тишина. Ну и ладно! Лучше ничего не слышать, ничего не знать, чем позволять суетному миру, смысл которого он таки не постиг за все эти годы, вот так бесцеремонно вторгаться в его еще подремывающую душу. Эта жестокость, жажда денег и власти, не остывающие даже зимой, когда сама природа отдыхает!

Становясь все громче, снаружи доносятся незатейливые звуки пробуждающейся деревни. Звяканье о прокинутого ведра, урчание заведенного трактора, чей-то отдаленный оклик и кот, улепетывающий от собаки, прижав уши к макушке. Вскоре выходит и Барт высыпать остывшую золу на схваченный морозом огород. Потирая бока, он приостанавливается посмотреть, как на северо-востоке голубеет небо. День обещает быть замечательно морозным – только по крайней необходимости он покинет натопленный дом.

На церковной колокольне уже пробило девять. Почти растаявшее ночное покрывало еще цепляется за вершины холмов на западе. Только обладатель зоркого глаза сможет различить в загорающемся дне остатки ночной жизни, уже выходящей из под власти тьмы. Будь то цвет, аромат, звук, вскрикптицы, испуганной собственным пробуждением, а может, ифырканье лисы, торопящейся в свое логово после ночной вылазки. Как-то Барт увидел лань, выскочившую на прогалину между деревьями: она неслась в испуге, будто спасаясь от огненного солнечного шара, всходившего над землей, как каравай свежее испеченного хлеба. Ее бег был скор, спина встревоженно изогнута; она резко умчалась, оставив после себя только видение белых упругих бедер, очертания которых невольно вызывали в воображении образ молодой восхитительной женщины.

Барту вспомнилась дочь Гюстава и Полины Бель – обладательницу копны длинных золотистых волос. Бель все еще свободна, как ветер, может быть, и из-за своей ослепительной красоты. Вздвогнув, как будто войдя с мороза в теплый дом, он прогнал наваждение. Он ей не пара – ни он, ни кто другой из неповоротливых деревенских мужиков. Лань исчезла в подлеске. За спиной Барта вставало красное искрящееся утро. Небо переливалось сочными красками, как празднично накрытый стол. Испещренные дорожками света, льющемся с переменчивого неба, отрадно наливаливались округлости холмов. Подобная захватывающая дух красота не может вселять ужас, подумалось ему. Зверь должен был догадаться об этом.

Стол прибран. Печь гудит от разгулявшегося огня. Барт засобирился к соседу Жермену, чтобы за символическую плату подсобить ему со скотиной. Полено потолка поможет поддержать

огонь во время его отсутствия. По возвращению он поставит вчерашний суп на чугунную плиту, подождет, пока он не закипит, и похлебает его в прикуску с толстым куском хлеба с маслом. Тмин, чечевица, кусочки копченого сала и крупно порезанный лук – чего еще желать от жизни. Он натянул куртку и плотно намотал на шею шерстяной шарф. В это время кто-то постучал в дверь. Три раза – громко и нервно. Кто бы это мог быть? Не оставив ему времени на удивление, дверь открылась, и на порог шагнула Клементина.

Это соседка напротив. Взгляд Барта скользит от ее клетчатого бело-голубого фартука к объемистым ботинкам, подбитым мехом. Не задерживается он и на ее всклокоченных волосах, перехваченных двумя большими заколками непонятного цвета. Все его внимание отдано тому, что она говорит:

– Ты уже слышал? Знаешь, да? Леопольд! Поль обнаружил его утром. Скопчался! В полном одиночестве – упал прямо на полу на кухне.

Она не упускает ни единой подробности: посиневшее лицо, засохшая на плитке кровь, вытекающая из раны на лбу, которую он получил при падении; открытый рот, застывший в последнем немом крике, уже холодное оочеченное тело. По всей вероятности, это случилось ночью. Инфаркт – мгновенно определил прибывший на место врач, которого вызвал сосед. Инфаркт! И никто ничего не слышал! А еще вчера он смеялся! Он пропустил по стаканчику с Полем и его женой. И ведь никакая хворь его не брала. Кто же унаследует хозяйство? Ни жены, ни детей. Разве что племянник, что живет в Лондоне – еще совсем юнец. А приедет ли он забрать причитающееся ему имущество, или же администрация все опечатает? Ах, трудяга Леопольд. И вдруг умер. Так рано! Ему еще и пятидесяти пяти не было.

У Барта одно желание – чтобы она убралась, чтобы нашла себе другое место для причитаний, чтобы она оставила его наедине с этим ужасным известием. Но поток слов Клементины неистощим, он льется и льется пока, наконец, не переполняет чашу его терпения. Он прерывает ее на полуслове:

–Клементина, мне нужно побыть одному. Мне тяжело смириться с тем, что Леопольда больше нет.

Та столбенеет от удивления, окидывает его вопрошающим взглядом, но соглашается. Засунув руки поглубже в карманы фартука, заключает:

–Да уж, вся деревня будет на ушах. Новости быстро расходятся. Поль позвонил Жермен, а она уже мне. Похороны послезавтра. Там и увидимся, да?

Уходит. Дверь со скрипом закрывается за ней и воцаряется тишина. Все вдруг осиротело. Даже вода, с шумом закипающая на плите. Даже глубокий вырез занавесок, украшающих грудь зарождающегося дня. Даже бархатный кофе, щедро сдобренный какао. Все слишком пусто, всего как-то слишком много. Смерть Леопольда одним беспощадным взмахом стирает все краски зимнего дня.

Барт бросил взгляд за окно. Дом Леопольда там, напротив – на другой стороне кладбища, чуть левее церквущики. На другой стороне кладбища. Эти слова теперь звучат по-другому. Этого не может быть. Улыбка Леопольда лучилась добротой. У Леопольда всегда находилась пара теплых слов на начало дня. Силой Леопольд мог сравниться с быками и приходил на помощь соседу, когда тот не справлялся с работой, помогал любому, кто нуждался в нем во время сенокоса. Работу Леопольд сопровождал песней, поднимая настроение тех, кто вместе с ним вонзал в землю лопату.

Взгляд Барта словно прикован к дому песочного цвета, в котором покоится тело друга. Над крышей сошлись в

схватке сарыч и ворона. Их крики разносятся по округе. Что есть сил ворона обрушивается на хищника. Звук хлопающих крыльев возмущает небо. Лишь мгновение длится битва. И вот ворона признает поражение, а сарыч, выписывая величественные кольца, поднимется в небо к самым облакам, сквозь которые проглядывает холодное утро. Не нарушая водворившегося спокойствия, из трубы сочится струйка еле заметного дыма. Дом живет своей жизнью, а его хозяин спит вечным сном. Содрогнутся ли стены, если сказать им, что их хозяин безжизнен, неподвижен, и так будет всегда.

Где справедливость? Две скупые слезы скатились по щекам Барта. Он любил Леопольда. И все еще любит. Но теперь все иначе – они принадлежат к разным мирам. Хищная птица затерялась в высоте там, куда не дотянуться взглядом. Она не оставила за собой ничего, кроме воспоминания, отзвука в сердце – одно оно способно сохранить безвозвратно ушедшее прошлое, затерявшееся в сумерках время, душевную боль, все неуловимое.

–Леопольд, – прошептал Барт. – Где ты теперь, старина Леопольд?

Он упирается лбом в ледяную поверхность стекла и закрывает глаза. На его подрагивающих веках пляшут отблески света. Барт делает глубокий вдох в попытке успокоить колотящееся в груди сердце. Ведь нужно найти в себе силы выйти наружу, пересечь всю деревню, отдать почести покойнику, выслушать причитания женщин, что будут перечислять душевные качества усопшего друга. Нужно вооружиться терпением, отрешиться от всего и застыть в молчании, чтобы не потревожить душу умершего мирской суетой.

Прощай, дружище, прощай! Пусть с миром воспарит душа твоя. Да расстелется пред тобой почести ковер, да

примут тебя ангелы в тех заоблачных странах, где райские птицы блаженно воспевают любовь Творца, считывая ноты с воздушных партитур. Прощай, старина, прощай! Бесстрашно войди в мир иной и бескрайний, отринь все земное – и душа твоя расправит крылья, оставит позади запредельное и погрузится в самую себя. Прощай, друг, прощай! Да утешит твое щедрое сердце нашу молчаливую скорбь, да озарит твоя улыбка и неунывающая песня наше холодное зимнее утро.

– Как же так, Боже ты мой, как же это, – шепчет Барт. – Разве найдешь слова для безутешного сердца!

Набросив куртку и спрягав волосы под серой шерстяной шапкой, он поглубже засовывает руки в карманы и выходит наружу. Никогда еще путь до дома Леопольда не казался ему таким длинным. Ветер обдал его своим морозным дыханием и брови с ресницами моментально заиндевели. Несмотря на пробивающееся сквозь облака бледное солнце, еще морозит. Подняв воротник, Барт поплотнее запахивает куртку и ускоряет шаг. Все окна в доме Леопольда освещены, зажжены даже лампы на кухне и в гостиной. Толкнув входную дверь, Барт заходит и снимает шапку. Люсьен, Клодина, Фернанд и Луи сидят за столом. Верхняя одежда сложена на дубовом сундуке возле печи, где Леопольд по обыкновению складывал дрова. Говорят приглушенно; общее горе уже наложило свой отпечаток на осунувшиеся лица – к чему притворство.

– Иди сюда, Барт, присаживайся. Горе-то какое. Такой молодой!

– Кто бы мог подумать. Еще вчера он был в полном здравии!

– Умер в полном одиночестве! Он, кто всю жизнь помогал ближнему!

– Где справедливость, а?

Барт тяжело опускается на предложенный стул. Ему нечего добавить. К

чему слова, если ничего не изменишь. Но он понимает их состояние. Может, если бы он тоже мог высказаться, ему бы полегчало.

– Хочешь с ним попрощаться? – вопрос исходит от Фернанда. – Он в соседней комнате. Мы с доктором положили его на стол. Сейчас он там – готовит тело с Мари-Клер. Иди, ты имне помешаешь.

Тоска цепью сковывает тело и мешаает подняться. Опершись на стол, он оглядывается вокруг. Кухня Леопольда: стены отделаны мелкой белой плиткой, над раковиной развешена целая батарея кастрюль, высокий буфет из старой сосны и у самого окна клетка сканарейкой – беспечная птица перепрыгивает с жердочки на жердочку, еще не уразумев своим крохотным умом почему холод вдруг окутал дом.

– Все нормально, Барт? Может выпьешь немного?

Люсьен уже рядом с ним.

– Нет, я пойду.

Это все, что он смог из себя выдавить. Он и Леопольд были закоренелыми деревенскими холостяками. Один – молодой, другой – постарше. Они провели вместе столько вечеров! И еще больше поведали друг другу секретов. Даже их молчание было наполнено смыслом – это были моменты истинного счастья. Его поймут лишь те, кому довелось пережить подобное. Люсьен – нет, ему не понять.

Из гостиной доносится шепот доктора и Мари-Клер; слушая их из коридора, можно подумать, что они молятся. Барт медленно приблизился. Дверь открыта.

Леопольд! Его друг лежит на столе – тело готово к обряду. При жизни он никогда не был тщательно причесан и так опрятно одет. Торжественный и бледный. И все же цвет его кожи неприятен, а на лице сохранились следы от смертельного падения. Вихрем пронесется мысль: «Это все сон, этого не

может быть!» Врач и Мари-Клер одновременно повернулись в его сторону:

–Ну, входи же.

Всего несколько шагов, но они даются ему с большим трудом. Взгляд прикован к окоченевшему телу друга. Еще не оставляет надежда, что тот вдруг зашевелится, приподнимется и весело бросит: «Да ладно тебе, это шутка! Я жив и здоров». Но нет, Леопольд все также невозмутимо неподвижен.

И тут нервы Барта сдают, и крик пронзает тишину:

–Боже мой, да скажи же что-нибудь, черт тебя подери!

Мари-Клер даже подпрыгивает от неожиданности, а доктор торопливо подходит к Барту и берет его под руку. Тот не стал сопротивляться; опустив голову, он шепчет, больше для себя, чем для других:

–Простите, мне трудно смириться с его смертью.

Снаружи солнце смогло, наконец, пробиться сквозь плотную завесу облаков. На севере в просветах голубеет небо. Дневной свет беззаботно проникает в окно и заливает гостиную. Словно насмехаясь над смертью, жизнерадостные солнечные зайчики заплясали на теле Леопольда. Это выводит Барта из себя:

–Доктор, задерните же шторы!

–Успокойтесь, Барт. Я сочувствую вашему горю, но прошу, возьмите себя в руки.

Барт словно вновь услышал Леопольда – тот так же взывал к его разуму, сопровождая успокаивающие слова похлопыванием по плечу; это было в те дни, когда Барт восставал против всех и вся. Образ друга возникает перед его взором, лишь его улыбка была способна успокоить по-детски вздорные приступы гнева Барта. А сейчас на месте друга лишь восковая маска смерти: застывшее лицо, благочестиво сложенные на груди руки и безупречная прическа –

несомненно, дело рук Мари-Клер.

–Мне нужно глотнуть свежего воздуха, я вернусь попозже, – говорит Барт.

На кухне толпится народ. Клементина и пара деревенских подняли на ноги всю деревню, и почти все уже здесь. Они перечисляют достоинства Леопольда, жалуются на безжалостность смерти и делятся размышлениями о том, что станет с домом и кто унаследует все хозяйство. Обменявшись несколькими рукопожатиями и принятыми в таких случаях фразами, Барт устремляется к выходу, охваченный одним желанием – выйти наружу в объятья холодного ветра, вледенящее одиночество, впустоту.

Белый солнечный диск повис в бесцветном небе. Стоя у порога, Барт может разглядеть свой дом, прозванный его другом «пряничным домиком». Он служил ему уютным пуховым гнездышком. После смерти бабушки он поселился там, полный решимости прожить в этих стенах до последнего вздоха. Его приняли в деревне как своего, потому что он был внуком Леонии. «У вас ее нос и взгляд. И вы также любите безмятежно наблюдать за рождением нового дня». Он не знал так ли это, но слова прилипли к его сердцу. А сегодня все это уже несущественно. Смерть Леопольда притупила ощущение счастья. Все то, на что можно было опереться, тает, как туман на солнце.

Всю свою жизнь Леопольд провел здесь – между колокольней и кладбищем. И что же? Все впустую? Рай или ад? Что? Все вдруг оборвалось. Бессмыслица! И зачем этот телевизор, который он никогда не смотрел! Он отрицал этот мир, заявляя со спокойной улыбкой, что все люди одинаковы – жаждущие власти эгоисты. Нет! А там, за холмами, чья-то жизнь тоже заканчивается остановкой сердца, ночным падением, холодным застывшим телом? Нет! Барту тридцать три года. Деревня стала гробом, закрыв-

шей крышку над Леопольдом. Нет! Уехать. Куда-нибудь. Куда угодно. Где можно забыться, где больше простора для мыслей, где он станет чем-то большим, нежели просто внуком Леонии.

Вот и главная улица. Какое убийственное название – три метра в ширину и полторы сотни в длину. Скорее бы подальше отсюда, чтобы не видеть ни лиц, ни домов. Сразу за улицей – поля. Пара скворцов выбивают кружево из корки льда. И все. Барт отводит взгляд, все ускоряет и ускоряет шаг, почти бежит по извивающейся улице. Деревья поникли под дыханием зимы, а со смертью Леопольда стали еще тусклее. Они указывают своими обрубленными конечностями на застывшее небо, на этот ледяной свод – бледно-белый, блекло-синий, скрбно-серый. И эти поля, вгнувшие свое брюхо под жадной хваткой мороза. И это изнуряющее одиночество, простирающееся за изменчивый горизонт, и еще дальше, дальше, растекаясь по однообразным полям. Барт идет все быстрее. Внос бьет запах от влажного навоза, щедро разбросанного по полям. А этот крест на перекрестке! Зачем он тут? Разве что, чтобы ветер распать? Или на помнть, что за смертью есть только смерть, смерть и ничего кроме нее? И деревянная скамья, которую они с Леопольдом установили на вершине холма лет пять тому назад. Эта скамья посреди заиндевевшей травы – точно тело друга на белом смертельном одре. Эта скамья, заляпанная пометом хрипло орущих алчных ворон. Бартуже бежит. От мороза застыло лицо. Глаза и руки. Все закаменело в нем, включая душу.

Куда ты направился, одинокий друг? Куда бежишь, мучимый болью? Да не ожесточится сердце твое брнное, да смягчится душа твоя гневная, да пребудет в ней нежность самой природы матери – пусть раскроется в ней как

цветок эдельвейс и прогонит печаль, бездушной зимы печать. Иди, мой друг, иди. Забудь же боль, излей печаль в слезах своих, пролей же их, прими как есть – что суждено, тому и быть.

Вой – боль, крик – гнев, горе с воплем вырывается вместе с воздухом из легких. Холод сковывает горло, приказывает замолчать, умирляет ярость. Барт останавливается. Он заблудился, а ведь по этой дороге он проходил несчетное количество раз. Поворачивает голову налево, направо. Дорогой сердцу пейзаж разламывается в его глазах на куски, разбивается на осколки, вонзаясь в сердце как воспоминания о Леопольде – такие же живые и ощутимые, как зимний холод. Барт задыхается. Жесткий кашель сгибает его пополам. Ах, как бы он хотел разорвать полотно окружающих полей, расколоть зеркало неба, в котором уже никогда не отразятся родные черты друга!

Ледяной зимний ветер. Засунув руки поглубже в карманы, он продолжает идти. Ему необходимо оказаться дома, чтобы тепло дровяной печи растопило его сердце, чтобы душа согрелась от чашки крепкого сладкого кофе, достаточно сладкого, чтобы не чувствовать горечь потери. Ускоряя шаг, он идет по направлению к деревне. Над кучкой столпившихся перед домом Леопольда кумушек поднимается пар от их горячего дыхания. Произнесенные ими слова повисают в воздухе, образуя сероватое облачко, но несмотря на обращенные к нему взгляды Барт быстро проходит мимо, не желая принимать участия в пустой болтовне.

Оказавшись у себя, он закрывает дверь на два оборота. Все, что ему нужно – это тишина. На секунду он подумал о Белль, как та воспримет новость? Она единственная во всей деревне, кому он мог бы шепотом поведасть о своем горе. «Ты бы поняла, уж ты бы меня поняла, -

думает он. – Твой взгляд как дыхание ветра, твое лицо лучится светом». Но сможет ли он перемолвиться с ней парой слов? Когда? Где? Кроме торопливого обмена приветствиями в церкви по воскресеньям, к Белль не подступиться.

Он медленно пьет свой кофе. Горячий напиток приносит облегчение. Тепло, исходящее от большой круглой чашки, возвращает гибкость его окоченевшим от холода пальцам. Эта чашка ему досталась от бабушки, также как и остальная разрозненная посуда, от которой он не хотел избавляться. Леония Богар, 1901-1985. Леопольд упокоится рядом с ней, на той же аллее, и лишь несколько надгробных камней будут лежать между ними. Жителей так мало, что размеры деревенского кладбища почти не меняются со временем.

День тянется, давит, не ослабевает свои беспощадные тиски. Барт замкнулся в своем горе. Нет желания идти ни к Жермену, ни куда-либо еще. В полной прострации он продолжает сидеть возле печи, регулярно подкармливая пламя увесистыми поленьями. Дуб горит долго. Течение жизни остановилось. В полдень постучались, но он не открыл. То же и в три. Деревенская жизнь такова, что малейшее нарушение привычного хода вещей быстро привлекает внимание. В шесть вечера стук в дверь повторился, но в этот раз посетитель проявил настойчивость, и Барт знал, что будут стучать до тех пор, пока хозяин не откликнется. В противном случае дверь просто выбьют, чтобы удостовериться, что с ним также не приключилась беда. Тогда он поднялся со своего места и открыл дверь.

– Что нужно?

На пороге стоит Жермен. Видно, что он удивился сухому приему.

– Ну, что? – повторяет Барт, уже осознав насколько он неприветлив.

– Да так, ничего... – бормочет Жермен.

– Даже не знаю, просто подумал...

– Входи.

Приняв приглашение, сосед подходит к столу.

– Садись.

Мужчины обмениваются взглядами. Подходящие по случаю фразы не приходят на ум Барту. От его же прохладного приема гость в растерянности и тоже молчит.

– Мне плохо, – произносит, наконец, хозяин.

– Знаю. Ночью мы посменно будем сидеть у тела. Ты придешь?

– Да.

– Все будет нормально?

– Думаю, да.

– Ты зналего лучше, чем мы.

– Он был моим другом.

Жермен ударяет рукой по столешнице.

– Ты думаешь, тако ва воля Всевышнего?

– Даже не знаю, верю ли я в него.

Жермен опускает глаза. Каждое воскресенье он ходит в церковь, где руководит хором. Ему не нравится, когда говорят, что Бог оставил этот мир, но ничего не возражает. Неспешно отодвинув стул, он поднимается.

– Во сколько тебя ждать?

– Я приду на всю ночь. Леопольд был моим другом.

Жермен направляется к двери. Перед тем как перешагнуть порог он взялся за кепку и, поколебавшись, пробормотал:

– Встретимся на месте. Я тоже приду. У него нет семьи, понимаешь?

Когда Барт выходит из дома, уже темно. В мгновение ока ночь накинута на деревню свое безлунное покрывало. Только кое-где искрятся покрытые инеем ветви – последний бастион света перед полным погружением во мрак. Морозит. Барт еще глубже погружает руки в карманы, высовывая лишь кончик носа из поднятого шерстяного воротника. Дорогу к Леопольду он знает

как свои пять пальцев. Сколько раз он проделывал этот путь то на рассвете, то глубокой ночью.

Никогда мысль о том, что Леопольд не будет его ждать, не приходила ему в голову. Не дав опомниться, смерть разорвала узы их дружбы. Леопольд там, за едва освещенным окном, вокруг него пара знакомых и соседей перебирают четки, помогая душе усопшего вознестись к небесам. Барт идет к нему безлунной ночью – в могильной темноте, как они со смехом ее называли.

В гостиной вокруг гроба стоят полукругом пять стульев, на которых сидят Мари-Клер, Клементина, Полина, Пьер и Жермен. Едва уловимым жестом каждый приветствует вошедшего. Клементина и Полина тихо повторяют слова молитвы. Мари-Клер отдает дань усопшему молча. Пьер и Жермен также невидящим взором уставились в пустоту. Один стул свободен, и Барт неслышно садится. Он все еще не решается посмотреть на гроб, куда положили его друга. Вдруг гнев, как тогда, вновь выплеснется наружу, вдруг он сорвется и разрушит тем самым благочестивый покой этого места!

Часовая стрелка не стоит на месте. По комнате передвигаются тени молящихся. На колокольне пробило четыре. Только фигуры Барта и Жермена не сдвинулись ни на миллиметр. Остальные сменяют друг друга с точностью хронометра. Ты не один, Леопольд: вся деревня пришла проводить тебя в последний путь, в мир света и радости.

В три тридцать, вскоре после прихода Эмили, Барт почувствовал, что может совладать с собой и посмотрел на тело. Две холодные слезы скатились по его щекам. Леопольд был перед ним – смерть действительно завладела им, и Барту ничего не оставалось, как только смириться.

День вступает в свои права. Остались

только Жермен и Барт. Время от времени Жермен прикрывает глаза и покачивает в полудреме.

– Иди отдохни, – говорит ему Барт. – Я посижу один.

Жермен поводит плечами, но все же кивает.

– Клементина и Мари-Клер вернутся через час, они тебя сменят. Тебе тоже нужно поспать.

Оставшись один на один с Леопольдом, Барт скорчился от тоски. Снаружи не без труда загорается день. Низко-стеляющийся клочковатый туман обволакивает всю деревню. Из окна Леопольдова дома Барт не в состоянии разглядеть даже церковную колокольню. «И опять Бог нас оставил», – со злостью думает он. «Нет, это ты оставил Бога», – слышится ему голос друга, который вновь шепотом успокаивает мятежную душу. Сколько раз они заводили разговор о бессмертной душе! Барт мучился сомнениями, а Леопольд просто верил. «Если я не слышу Бога, значит я прохо слушаю – я уверен, он рядом».

– А теперь ты его слышишь? Проклятье! – казалось даже стены возмущены его богохульством.

«Нет, это ты оставил Бога». Сердце Барта отзывается на слова Леопольда. Почти как в былые времена, когда они вступали с другом в словесный поединок.

– Мне нужно слышать твой голос, поговори со мной, – взывает Барт, захлестнутый новой волной скорби.

В это мгновение слышится стук входной двери и в коридоре раздается звук шагов. Барт быстро садится на свое место. Клементина и Мари-Клер пришли не одни, их сопровождает Белль.

Ее золотистые волосы покрывает черно-синий шарф. В ее нежном взгляде утпаешь, как в пуховой перине. Это неземное создание так и лучится добротой. Стоит ей улыбнуться и всю комнату

будто пронзают лучи солнца – аура Белль заразительна. Барт приподнимается, протягивает руку в знак приветствия и впервые со вчерашнего дня чувствует, что боль потери уже не полновластная хозяйка в его душе – он это чувствует каждой клеточкой своего тела. Клементина и Мари-Клер уже рядом с покойником, и Белль подсаживается к ним.

Барта вдруг охватило желание остаться с женщинами, не покидать комнату, где находится Белль, присутствие которой он ощущает всем своим существом – она так близко, намного ближе, чем в церкви на воскресной службе. Он закрывает глаза. Воспоминание о насмешливом лице Леопольда иголкой вознается в сердце. И его слова:

– Тебе нравится наша чаровница, она не дает тебе покоя. Мне-то ты можешь признаться!

Его раскатистый смех. Барт испугался. Если он останется, то сделает это уже не для Леопольда, а для нее, чтобы украдкой побыть в ее обществе. Это будет неправильно, непростительно. Проснувшаяся совесть мурашками пробежала по коже. Будь он жив, друг скорчился бы от смеха. Барт встает. Если его здесь держит что-то другое, чем дань другу, то ему лучше уйти. Все три женщины оборачиваются к нему, но Барт смотрит только на Белль. В ее глазах читается безмятежное дружелюбие. Но ему достаточно и этого и, стараясь не нарушить возникшей связи, он выходит в коридор, а оттуда на улицу. Уже метрах десяти от дома он спохватился, что ушел, даже не попрощавшись с Леопольдом.

Его сердце обливается кровью... Оказавшись дома, он опускается на колени. Леопольд, мой добрый друг, верный товарищ! Мы делили радость и горе, бесценный хранитель моих тайн, прости от души, что забыло тебе, утонув в прекрасном взгляде женщины. Смерть подобна стихии, но и она отступает при

малейшем движении жизни. Я знаю, Леопольд, что ты бы не упрекнул меня за то, что я наслаждаюсь скорее молодостью Белль, чем увядшими чертами твоего разлагающегося тела, но меня мучает совесть, потому что как друг я должен умереть с тобой, потому что я не могу больше опереться на твою надежную руку, и это приводит меня в отчаяние.

Слезы текут по щекам. Стены источают холод. Снаружи густой туман скрыл заледеневший пейзаж. Надо заставить себя встать. Хотя камень на сердце давит к земле, надо растопить печь, заварить чашку крепкого кофе, чтобы кровь вновь забурлила по затекшему телу и душа ожила. Он все также неподвижно стоит на коленях на кухне: в полной прострации, опершись локтями на стол, голова покоится на молитвенно сложенных руках. Так он и заснул, опустошенный бессонной ночью и горем. Руки медленно скользят, пока голова не оказывается на желтой воцеленой скатерти. Два часа спустя холод вырывает его из объятий сна. Чтобы прийти в себя, понадобилось несколько мгновений. Что случилось? Воспоминания не заставили долго ждать. Леопольд! Ноет затекшая поясница. Потянувшись, он неспешно приподнимается. За окном светает. Застывшие в суровом дыхании зимы, поблескивают побелевшие поля. Даже если ничего уже не будет как прежде ни в деревне, ни в душе Барта, жизнь постепенно вступает в свои права – деликатная, как девушка, приступающая к утреннему туалету.

*Перевод Альбины Дженбулатовой
под редакцией проф. Александра
Авеличева,
факультет письменного и устного
перевода Монского университета,
Бельгия.*

UMONS

Киммо Кайванто: Цепь (1971)

*19-20 марта
2014 г.
в Хельсинки
состоялся
Международный
научно-
практический
семинар
«Россия и
Европа:
диалог
культур»*

Ежегодное культурное мероприятие журнала «LiteraguS» было организовано при участии Института мировой культуры Хельсинкского университета и РЦНК в Хельсинки.

Семинар предполагал обсуждение самого широкого круга вопросов в области литературы, истории, теории перевода, изобразительного искусства, музыки. С докладами выступили представители 6 стран: Франции, Бельгии, Польши, Словакии, Финляндии, России. Россию представляли докладчики из Петербурга, Москвы, Петрозаводска, Перми.

Семинар 2014 года – уже двенадцатое культурное мероприятие со дня основания журнала «LiteraguS».

За два дня было заслушано 18 докладов, представлено 5 книг и два проекта СМИ культуры.

Татьяна Артемьева (РГПУ им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург) в докладе «Россия и Европа в контексте

визуальной коммуникации в эпоху Просвещения» рассмотрела различные направления и формы взаимодействия российской и западноевропейской культур и, в частности, использование эмблем в контексте визуальной идеологии и пропаганды.

В докладе **Марины Бабалык** (Петрозаводский государственный университет) «**Западные «новизны» в русском христианском сознании: от XVIII века до наших дней»** были проанализированы аналогии между русским восприятием западных новшеств в послепетровскую и современную эпохи.

Инна Минева (Петрозаводский государственный университет) посвятила свое выступление теме: «**Остров Готланд в шведской и русской литературе на рубеже XX-XXI вв.: к реконструкции опыта взаимодействия и отталкивания»**, показав, что образ Готланда реконструируется русскими и шведскими писателями на основе

системы как мировых, так и территориальных (островных) символов.

Выступления Ирины Такала, Лийсы Бюклинг и Ирины Горной касались темы культурного взаимодействия Финляндии и России.

Ирина Такала (Петрозаводский государственный университет) в докладе «**Трансформация роли Финляндии и Карелии в российско-европейских культурных контактах 18-21 веков (Контактная зона или культурный барьер?)**» рассмотрела роль Финляндии и российской Карелии в установлении культурного диалога России с западным миром, которая неоднократно менялась на протяжении трех веков.

Лийса Бюклинг (Хельсинкский университет) посвятила свое выступление теме «**Профессор Яков Грот и беседы с финскими писателями в Гельсингфорсе в 1840-е годы**».

Темой доклада **Ирины Горной** (Петрозаводская государственная консерватория им. А.К. Глазунова) была «**Русская литература в произведениях композиторов Финляндии**». Свое выступление Ирина Горная закончила словами Фабиана Коллана, редактора газеты «Гельсингфорс Моргонблад», высказанное им еще в 1846 году: «Для нас финнов теперь особенно важна русская культура, и нам следует знакомиться с нею, ибо только зная язык русского народа, его литературу и всю его духовную жизнь, мы сможем по-настоящему понять наших восточных соседей, столь близких теперь к нам, и добиться того, чтобы и они понимали нас... Кроме того, культура в целом, в ее высших

проявлениях, есть общее достояние всех наций, как ей и надлежит быть».

Доклады Людмилы Гатаговой (Институт российской истории РАН, Москва) «**Европеец и Великая война на страницах книжной серии «Мировая война в рассказах и иллюстрациях»** (издание И.Д. Сытина 1915 г.)» и **Татьяны Филипповой** (Институт российской истории РАН и Институт востоковедения РАН, Москва) «**“Враг с Запада” глазами русских журнальных сатириков в начале «века войн и революций»**» познакомили слушателей с книжной серией времени Первой мировой войны и статьями русских журнальных сатириков серебряного века.

Для Л. Гатаговой, помимо освещения историко-литературного контекста мирового противостояния, представляется важным выявить этико-гуманистический аспект восприятия войны; осмыслить проявления синдрома «свой»-«чужой» в художественном сознании военной эпохи. Доклад Т. Филипповой был посвящён выявлению и деконструкции образов риторик вражды по поводу «Врага с Запада», характерных для русской журнальной сатиры «серебряного века».

Общефилософским ценностным вопросам современной России и Европы был посвящён доклад профессора российской истории Хельсинкского университета **Тимо Вихавайнена** «**Россия и Европа в мире ценностей**».

Михаил Микешин (Санкт-Петербургский научный центр истории идей, Национальный минерально-сырьевой университет «Горный», Санкт-Петербург) выступил с темой

«Метафоры гуманитарных пространств».

Алексей Филимонов (Французское Набоковское общество, Международное представительство СП Санкт-Петербурга) представил тему **«Набоков – европеист»**, показав, что творчество Владимира Набокова – уникальный пример диалога русского писателя с европейской культурой: «Не будет преувеличением сказать, что Владимир Набоков стал соединяющим звеном между европейской и русской культурой, выводя их на новый виток «одухотворённой спирали». В этом он наследовал традиции Пушкина, Тютчева, Достоевского, Блока, И. Анненского, Н. Гумилёва и многих других».

Доклады профессора Варшавского университета **Людмилы Луцевич «Россия и Европа в поле исповедального "пинг-понга"»** и доктора философии Тамперского университета **Ирины Савкиной «Ревизия нацпроекта, или Тема книги и библиотеки в современной беллетристике»** были посвящены проблемам современной литературы.

Л. Луцевич рассмотрела роман Людмилы Коль «Игра в пинг-понг» в контексте исповедальной литературы: «в романе существует сложно выстроенное пространство *политики/власти/культуры* (социокультурный феномен, отразивший события, происходившие в России за последние полвека, формировавший как определенные модели поведения, так и аксиологическую иерархию) и поле так называемого «исповедального пинг-понга», то есть пространство «исповедальной памяти», где прошлое и настоящее с их географическими и

культурными локусами находятся в состоянии нескончаемого диалогического взаимодействия».

Ирина Савкина на примере анализа таких произведений, как «Кысь». Т. Толстой, «Библиотекарь» М. Елизарова, «ГенАцид» М. Бенигсена, «Т» В. Пелевина, «Ф.М.» Б. Акунина и других показала, как происходит ревизия представлений о литературе как некоем национальном проекте.

Преподаватель факультета переводчиков Университета г. Монс (Бельгия) **Бенуа ван Гавер** познакомил участников семинара с бельгийским опытом в области перевода и представил литературный портрет филолога, преподавателя, переводчика и издателя Эммануэля Вагеманса в докладе **«Бельгийский опыт в области перевода и издательства русских авторов»**, а также рассказал о выпущенной в 2013 году в университете г. Монс книге «Бельгийские переводчики и переводчицы».

Темой выступления Надежды Матвеевой (Санкт-Петербургский Государственный университет кино и телевидения) была этнография: **«Этнокультурные традиции финнов и русских в праздновании Сретения Господня»**. Н. Матвеева

Вмэрии
г.Хельсинки.
Ведетэксурсию
пресс-секретарь
мэрии
Паула Катаямяки.
Перводчик: Марья-
Леена Пенгерма.

У портрета сенатора
Лео Мекелина работы
Альберта
Эдельфельга (1901).

У панно известного
финского керамиста
Рут Брюк Город,
освещенный солнцем
(1971).

на примерах показала различие в символике одних и тех же праздников у финского и русского народов.

Екатерина Е. Петрова и **Ирина Б. Петрова** (European Club, Пермь) выступили с темой: «**Познавая традиции, узнаю культуру. Открытие Финляндии через проектную деятельность: взгляд российских школьников**».

Художники **Майре Пююкко**, **Аркадий Анищик** и **Денис Анищик** (Лаппеенранга) представили выставку своих работ, которая была размещена в РЦНК в Хельсинки, их совместный доклад назывался: «**Взглядом художника: как выжить художнику в иной культурной среде**».

Семинар включал также панельную дискуссию, которая называлась «**Запада на Востоку**» и предполагала презентацию СМИ и издательских проектов.

Якуб Лапатка (Хельсинки) выступил с книгой «**От времен потопных**» (Переводы старинных финляндских хроник), которая была выпущена в 2013 году Санкт-петербургским издательством «ГЙоль».

Элеонора Иоффе (Хельсинки) рассказала о своей новой книге «**Курьер Маннергейма**», написанной ею на финском языке.

Геннадий Коваленко (Санкт-Петербургский институт истории РАН) представил издательский проект «**Россия в шведских и финских травелогах XVII–XX вв. (Эрик Пальмквист, Свен Бальтер, Эрик Густав Эрстрём, Аделаида Хаусвольф, Туре Арне)**».

Хели Йорманайнен (YLE радио) рассказала, как организовано YLE на русском языке, и представила тему «**Новости YLE на русском языке в**

диалоге культур».

Ирина Сечикова (Радио Словакии на русском языке, Братислава) сформулировала свою тему так: «**Неизвестная Словакия (Двадцать лет «Голосу Словакии»)**».

Игорь Воловик (Гренобль, Франция) выступил с темой «**Россия: какой она видится издалека**», рассказав о том, как им была написана книга «Прогулки с Запада на Восток», изданная в 2013 году московским издательством «Вест-Консалтинг». Называя своим домом Европу, эссеист продолжает жить мыслями о России, не проводя границы между одним миром и другим.

Участники семинара посетили Славянскую библиотеку Хельсинкского университета, экскурсию по которой провела **Ирина Лукка**, и познакомились с выставкой, посвященной Якову Гроту.

В мероприятии журнала «LiteraruS» приняла участие мэрия г. Хельсинки.

20-го марта была организована экскурсия в мэрию г. Хельсинки. Перед участниками семинара выступила пресс-секретарь мэрии **Паула Катаямяки**. Она рассказала об истории здания, в котором ныне располагается хельсинкская мэрия, и о современной административной работе. Темой ее рассказа стала «**История отеля Сеурахоу не: от светской жизни – к жизни административной, от развлечения – к управлению**».

Культурная программа включала литературную и музыкальную части: **Игорь Воловик** исполнил «Ноктюрн для левой руки» А. Скрябина; перед участниками и слушателями семинара выступил **Джаз «Трио Blue»**: **Денис Анищик** (фортепиано), **Йессе**

Джеймс Луостаринен (ударные),
Маркус Канкконен (контрабас);
 читали свои стихи поэты **Хамдам**
Закиров и **Полина Копылова**;
Людмила Коль прочитала отрывок из
 книги о Финляндии «Там, где звенят
 сосны»; **Надежда Матвеева** исполни-
 ла несколько русских и финских
 народных песен; в исполнении
 пианистки **Марины Костик** прозвучали
 «Картинки с выставки» М.
 Мусоргского.

В семинаре приняли участие
 преподаватели и студенты, читатели и
 авторы журнала, переводчики и
 редакторы.

Журнал благодарит за помощь
 в проведении семинара
Светлану Тойвакка,
Полину Копылову,
Наталью Кочубей,
Марьяну Хакала.

*Тексты выступлений
 будут опубликованы в журнале №3/2014*

СЕМИНАР

К
у
л
ь
т
у
р
н
а
я

х
р
о
н
и
к
а

Три чудо-ночи Хельсинки. Выставка фотографий 1944 года, которая проводится в хельсинкской мэрии раз в 10 лет, была доступна для посетителей 21.2. - 25.5.2014.

*Открытие выставки
прошло в торжественной
обстановке: с речью
выступил мэр города
Юсси Пяюнен
и ветераны
Второй мировой войны.*

*К
у
л
ь
т
у
р
н
а
я

х
р
о
н
и
к
а*

От благодарных получателей

Журнал часто получает письма. Их отправляют не только по e-mail, но и по почте. Читатели присылают вышедшие книги, авторами которых они являются, поздравительные открытки, произведения для публикации; приходят благодарности от библиотек, куда журнал поступает в качестве дара. В феврале этого года Национальная библиотека Франции прислала благодарственное письмо за то, что ей были отправлены два номера журнала *LiteraryS* на французском языке: №1/2012 и №2/2013, которые дополнили коллекцию Библиотеки.

Со штампом: Станица Марьинская

Недавно журнал получил заказной конверт. Он пришел из станицы Марьинская Кировского района Ставропольского края от литератора Анаолия Яковлевича Крищенко. Очень трогательно сознавать, что *LiteraryS* читают во многих местах земного шара.

ПОЧТА